

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ДЕВУШКА ВО ЛЬДУ»
ПРОДАНО БОЛЕЕ 3 000 000 КНИГ

РОБЕРТ
БРЫНДЗА

ДЕВЯТЬ ВЯЗОВ

НОВЫЙ ГЕРОЙ.
НОВОЕ
РАССЛЕДОВАНИЕ.

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

18+

Новый мировой триллер

Роберт Брындза

Девять Вязов

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4(41)

ББК 84(4Вел)-44

Брындза Р.

Девять Вязов / Р. Брындза — «Издательство АСТ»,
2019 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-117309-8

Кейт Маршалл была восходящей звездой полиции Лондона – молодая и решительная, она буквально проникала в сознание самых опасных убийц. Но череда ее побед скоро обернулась кошмаром. Когда Кейт поручили вести дело известного серийного убийцы по прозвищу Каннибал из Девяти Вязов, даже ее инстинкты охотника и выдающиеся способности профайлера не помогли ей выйти на след маньяка. И тогда он сам нашел ее... Сейчас, спустя пятнадцать лет после роковых событий, Кейт живет тихой жизнью в маленьком городке на побережье и преподает в местном университете. Однако призраки прошлого настигают ее и здесь: у Каннибала из Девяти Вязов появился подражатель, и он не остановится ни перед чем, чтобы закончить работу своего кумира. Кейт предстоит снова вступить в схватку с маньяком, ведь в списке жертв Каннибала ее имя значилось последним.

УДК 821.111-312.4(41)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117309-8

© Брындза Р., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Осень 1995	6
1	6
2	9
3	12
4	14
5	17
Пятнадцать лет спустя	20
1	20
2	25
3	27
4	29
5	32
6	35
7	37
8	41
9	43
10	48
11	51
12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Роберт Брындза
Девять Вязов
Роман

Robert Bryndza

Nine Elms

© Robert Bryndza, 2019

© Казарова Е., перевод, 2019

© ООО «„Издательство АСТ“», 2019

Осень 1995

1

Детектив полиции Кейт Маршалл ехала на метро в сторону дома, когда у нее зазвонил телефон. Она не сразу нашла его в складках длинного зимнего пальто. Вытащив огромный, как кирпич, аппарат, она вытянула антенну и нажала на кнопку. Это был ее начальник, старший инспектор Питер Конуэй.

– Слушаю, сэр.

– Наконец-то! Она взяла трубку! – с ходу огрызнулся Питер. – Я пытался тебе позвонить. Какой к черту толк от всех этих новых телефонов, если ты не отвечаешь?

– Простите. Я весь день провела в суде, по делу Трэвиса Джонса. Ему дали три года, я и не рассчитывала...

– Какой-то человек с собакой обнаружил в парке «Кристал Пэлас» тело молодой девушки, – оборвал он ее. – Голая, на теле следы от укусов, на голове – пластиковый мешок.

– Каннибал с Девяти Вязов...

– Операция «Цикута». Ты же знаешь, что мне не нравится это прозвище.

Кейт хотела было ответить, что это прозвище теперь прицепилось к убийце *намертво*, но Питер был не их тех начальников, которые ценят в подчиненных чувство юмора. Имя Каннибал с Девяти Вязов придумали газетчики. Два года назад на заброшенном дворе в районе Девяти Вязов, на юго-западе Лондона, недалеко от Темзы было найдено тело семнадцатилетней Шелли Норрис. Вообще-то убийца только кусал своих жертв, но пресса решила не отказываться от отличного прозвища для серийного убийцы и не вдаваться в тонкости. За эти два года были похищены еще две девочки-подростка, возвращавшиеся вечером домой из школы. Их тела обнаружили в лондонских парках несколько дней спустя. В конечном счете, ничто так не увеличивает газетные тиражи, как разгуливающий на свободе каннибал.

– Кейт, ты куда пропала?

За окном вагона было темно. Кейт посмотрела на табло с бегущей строкой.

– Еду на метро. Почти дома, сэр.

– Я захвачу тебя на станции, на нашем обычном месте, – не дожидаясь ответа, Питер повесил трубку.

Через двадцать минут Кейт уже стояла на узеньком тротуаре между туннелем и загруженным южным кольцом, по которому медленно тянулись машины. Большая часть территории вокруг станции еще только застраивалась, поэтому дорога до маленькой квартирке Кейт проходила через пустующие на ночь строительные площадки. В таких местах по вечерам лучше не бродить. Пассажиры, вышедшие из вагона вместе с ней, перешли дорогу и растворились в темноте улиц. Кейт посмотрела назад на пустынный, сырой, утопающий во мраке туннель и покачнулась на каблуках. В ногах у нее стоял маленький пакет с продуктами для ужина.

Кейт почувствовала, как ей за шиворот упала капля, потом еще одна, начался дождь. Она подняла воротник и подошла ближе к освещаемой фарами автомобилей проезжей части.

Ей поручили это дело чуть меньше чем полтора года назад, когда число жертв Каннибала из Девяти Вязов уже дошло до двух. Участие в расследовании громкого дела, вместе с повышением по службе, которое давало возможность больше не носить полицейскую униформу, стало для Кейт большим успехом.

Через восемь месяцев после того, как нашли тело третьей жертвы, семнадцатилетней школьницы Карлы Мартин, дело заглохло. Расследование свернули, а Кейт и еще несколько молодых полицейских перенаправили в отдел по борьбе с наркотиками.

Кейт сквозь дождь вглядывалась в длинную вереницу машин. Из-за поворота то и дело появлялись новые огни, но звуков полицейской сирены не было слышно. Она посмотрела на часы и отступила назад от яркого света фар.

Она не видела Питера два месяца. Незадолго до ее перераспределения они переспали. Он мало общался с коллегами, но однажды во время одной из редких посиделок в баре после работы они разговорились, и Кейт сочла его общество и его рассуждения крайне притягательными. Они остались в баре после того, как все уже разошлись по домам, а потом поехали к ней. А на следующий день, вечером, он пригласил ее к себе. Кейт горячо сожалела об этой интрижке с начальником, и в особенности о том, что это случилось даже не однажды. Это было какое-то минутное помутнение. Точнее, двухминутное, прежде чем они оба пришли в себя. У нее были строгие моральные принципы. Она была хорошим полицейским.

Я подберу тебя на нашем обычном месте.

Эта фраза заставила Кейт напрячься. Он два раза подвозил ее на работу, и оба раза он также подбирал по пути ее коллегу, инспектора Кэмерона Роуза, который жил неподалеку. Сказал бы он «на нашем месте» ему?

Холод начал забираться под ее длинное пальто, а в «хорошие сапоги», которые она берегла для походов в суд, затекла вода. Кейт повела плечами и переключила внимание на проезжавшие мимо автомобили. Почти все водители – белые мужчины ближе к сорока. Идеальная подборка хрестоматийных серийных убийц. Мимо проскользнул грязный белый фургон, сквозь мокрое лобовое стекло лицо водителя казалось размытым. В полиции были уверены, что Каннибал похищал и перевозил своих жертв в фургоне. Он просто не мог иначе преодолеть такие гигантские расстояния по всему Большому Лондону. Волокна, найденные на телах двух жертв, совпадали с волокнами коврового покрытия белых фургонов «Ситроен» 1994 года, а таких в самом Лондоне и окрестностях было зарегистрировано пятьсот тысяч. Кейт задумалась, проверяют ли еще полицейские, которые остались расследовать дело, тот список владельцев белых фургонов? И кто эта новая жертва? В газетах не было никаких упоминаний о пропавшем человеке. На светофоре загорелся красный и недалеко от Кейт остановился маленький синий «Форд». Внутри сидел типичный работник из Сити: лет пятьдесят с чем-то, лишний вес, костюм в тонкую полоску и очки. Он заметил Кейт, многозначительно вскинул брови и моргнул фарами. Кейт отвернулась. Синий «Форд» подкрался почти вплотную к машине впереди, так что пассажирская дверь оказалась напротив Кейт. Водитель опустил стекло и подался вперед.

– Привет. Ты, похоже, замерзла. Хочешь, я тебя согрею? – Он похлопал ладонью по сиденью и высунул тонкий язык.

Кейт остолбенела. Внутри нее начала подниматься паника. Она забыла, что у нее с собой удостоверение и что она – офицер полиции. Все вылетело из головы, и ее охватил страх.

– Ну же. Запрыгивай. Давай-ка тебя согреем, – сказал он и нетерпеливо похлопал по сиденью еще раз.

Кейт попятилась назад. В туннеле позади было темно и безлюдно. Водители соседних машин – все мужчины – пребывали в каком-то забвении и, казалось, не замечали ничего вокруг. Все еще горел красный. Дождь размеренно барабанил по крышам автомобилей. Потянувшись, мужчина открыл пассажирскую дверь. Кейт отступила назад еще на шаг, чувствуя себя в ловушке. Что, если он выйдет из машины и затолкает ее в туннель?

– Кончай ломаться. Сколько? – спросил он. Его улыбка исчезла, и Кейт заметила, что у него расстегнуты штаны, а под ними виднеются выцветшие серые трусы. Он оттянул резинку, выставляя наружу член и клочок седеющих волос.

Кейт не могла сдвинуться с места и ждала, когда наконец загорится зеленый.

Внезапно тишину пронзил звук полицейской сирены, а туннель и машины вокруг залило ярким светом синих мигалок. Водитель торопливо поправился, застегнул брюки и захлопнул дверь. Заблокировал все замки. На лице застыло безучастное выражение. Кейт пошарила в сумке и вытащила удостоверение. Она подошла к синему «Форду» и с силой прижала удостоверение к стеклу, злясь на себя, что не сделала этого раньше.

Службная машина Питера без опознавательных знаков, с мигалкой на крыше, приблизилась, объезжая пробку по обочине. Загорелся зеленый. Машины двинулись вперед, и Питер втиснулся на полосу. Водитель «Форда» в панике приглаживал волосы и поправлял галстук. Пристально посмотрев на него, Кейт убрала удостоверение в сумку и направилась к машине Питера.

2

– Прости, что пришлось ждать. Пробки, – сказал Питер, мельком улыбнувшись Кейт.

Он убрал назад стопку папок с пассажирского сиденья. Питер был привлекательным мужчиной ближе к сорока: широкоплечий, с темными густыми волнистыми волосами, высокими скулами и мягким взглядом карих глаз. На нем был дорогой, сшитый на заказ черный костюм.

– Да ничего, – с облегчением сказала Кейт и, поставив сумку и пакет с продуктами в ноги, плюхнулась на сиденье. Стоило ей закрыть дверь, как Питер тут же тронулся и включил сирену.

Козырек от солнца со стороны пассажирского места был опущен и, складывая его наверх, Кейт увидела свое отражение в зеркальце. Она была ненакрашена и одета достаточно сдержанно. Кейт никогда не считала себя красивой. Она не была утонченной. У нее были резкие черты, волосы, доходившие до плеч, убраны назад от лица и спрятаны под воротник зимнего пальто, будто в последний момент. Единственной отличительной чертой ее лица были необычные глаза удивительного василькового цвета со вспышками яркой рыжины вокруг зрачков – особенность, вызванная редко встречающейся секторальной гетерохромией, при которой радужка окрашена в два цвета.

Другой, временной, особенностью была рассеченная губа, только начавшая заживать, после того как пару дней назад буйный пьяный мужик заехал ей по лицу, оказывая сопротивление при задержании. Кейт не боялась иметь дело с пьяными и не стыдилась того, что он ее ударил. Это было частью ее работы. Почему же ей так стыдно от того, что ее клеил этот озабоченный на синем «Форде»? Ведь это у него унылые растянутые серые трусы и малюсенькое достоинство.

– Что там было? С той машиной сзади? – спросил Питер.

– Ой, да у него стоп-сигнал сломался, – ответила Кейт. Проще было соврать. Ей было неловко. Она отогнала от себя мысли о том мужике и его «Форде». – Ты всю команду вызвал на место преступления?

– Естественно, – сказал он, бросив на нее взгляд. – После нашего разговора мне позвонил помощник комиссара Энтони Эшер. Говорит, если это убийство связано с «Цикуттой», то он предоставит мне все необходимые ресурсы – надо только попросить.

Он пронесся по кольцу и на четвертом съезде свернул в сторону парка «Кристал Пэлс». Питер Конуэй был карьеристом, и Кейт не сомневалась, что, распутай он это дело – его повысят до суперинтенданта или даже до старшего суперинтенданта. Питер был самым молодым полицейским в истории Лондонской полиции, получившим звание старшего инспектора.

Стекла начали потеть, и Питер включил посильнее печку. Конденсат на лобовом стекле расплылся в стороны и испарился. Кейт бросила взгляд на освещенный огнями силуэт города, показавшийся между домов. Миллионы огоньков, точно булавки, воткнутые в черное полотно неба, – миллионы домов и рабочих кабинетов. Кейт задумалась, какой из этих огоньков принадлежит Каннибалу? *«Что, если мы никогда его не поймает?»* – подумала она. – *«Джека-потрошителя полиция так и не смогла найти, а по сравнению с нынешним того времени Лондон был просто крохотным».*

– У вас есть что-нибудь новое по тому списку белых фургонов? – спросила Кейт.

– Мы вызвали на допрос еще шестерых, но их ДНК не совпали с нашим образцом.

– Он оставляет следы ДНК на телах жертв. Это не небрежность, и контроль над собой он не теряет. Он как будто метит территорию. Как пес.

– Думаешь, он хочет, чтобы мы его поймали?

– Да... Нет... Возможно.

– Он ведет себя так, как будто он неуловим.

– Он думает, что он неуловим. Но он допустит ошибку. Как все они.

Они свернули к северному входу в парк «Кристал Пэлс». Там стояла патрульная машина, и полицейский махнул им рукой, разрешая проехать на территорию парка. Они двигались вперед по длинной, прямой, посыпанной гравием аллее, обычно предназначенной для пешеходов. Вдоль аллеи росли большие дубы, с которых осыпались листья. С влажным шелестом они падали на лобовое стекло и налипали на дворники. Вдалеке, за стеклянным зданием старого выставочного центра, возвышалась похожая на Эйфелеву башню телевизионная станция.

Дорога спускалась вниз и заканчивалась небольшой парковкой возле широкой лужайки, тянувшейся в сторону деревьев. Вся лужайка была оцеплена, а внутри стояло еще одно ограждение, в центре которого виднелась белая палатка криминалистов. Вокруг внутреннего оцепления стояли четыре полицейские машины, фургон судмедэкспертов и большой белый автомобиль подкрепления.

В конце парковки, там, где начинался газон, ветер трепал ленту ограждения. Их встретили два полицейских в форме: мужчина средних лет с нависающим над ремнем животом и высокий, худощавый, молодой парнишка, который выглядел как подросток. Кейт и Питер показали удостоверения тому, что постарше. У полицейского были тяжелые нависшие веки, отчего он, просматривая документы, казался Кейт похожим на хамелеона. Полицейский вернул документы и потянулся, чтобы приподнять ленту ограждения, но замешкался, бросив взгляд на освещенную палатку.

– За всю свою жизнь я не видел ничего подобного, – сказал он.

– Вы прибыли на место первым? – спросил Питер. Ему не терпелось пройти, но он не хотел браться за ленту сам.

– Так точно. Констебль Стэнли Грэшем, сэр. А это констебль Уилл Строукс, – ответил он, указывая на молодого полицейского, который внезапно скривился, отвернулся от них и его стошнило. – Это его первый день на службе.

Кейт с жалостью посмотрела на парня, изо рта которого тонкими нитями свисала слюна, тот вздрогнул и его вывернуло еще раз. Питер достал из кармана чистый белый носовой платок, и Кейт подумала, что он собирается предложить его полицейскому, но вместо этого Питер зажал им себе нос.

– Я хочу, чтобы вы никого не пускали на место преступления. И ни с кем не разговаривали.

– Конечно, сэр.

Питер махнул в сторону ограждения. Стэнли приподнял ленту, и они прошли под ней. Лужайка шла под уклоном и вела вниз к внутреннему оцеплению, где их уже ждали детектив Кэмерон Роуз и инспектор Марша Льюис. Кэмерону, как и Кейт, еще не было тридцати, а Марша, крупная женщина в красивом черном костюме и длинном черном пальто, была старше всех: ей было лет пятьдесят с небольшим. У нее были коротко подстриженные серебристые волосы и голос заядлого курильщика.

– Сэр, – произнесли они одновременно.

– Ну, что тут, Марша? – спросил Питер.

– Все входы и выходы из парка перекрыты, местная полиция прочесывает окрестности и близлежащие дома. Судмедэксперт уже там и готова поговорить с нами, – сказала Марша.

Кэмерон, долговязый и неуклюжий, возвышался над всеми ними. Он не успел переодеться и в своих джинсах, кроссовках и зеленой зимней куртке был похож скорее на беспечного подростка, чем на детектива. На мгновение Кейт стало интересно, что тот делал, когда его вызвали на место преступления. Она предположила, что он приехал с Маршей.

– Кто у нас судмедэксперт? – спросил Питер.

– Леодора Грейвз, – ответила Марша.

В палатке было жарко, а лампы светили настолько ярко, что резало глаза. Судмедэксперт Леодора Грейвз – маленькая темнокожая женщина с пронизательными зелеными глазами – работала в окружении двух помощников. Голая девушка лежала лицом вниз на грязной траве. На голове у нее был пластиковый мешок, туго затянутый вокруг шеи. Ее бледная кожа, измазанная землей и кровью, была покрыта бесчисленными порезами и царапинами. На задней поверхности бедер и ягодицах виднелись глубокие следы укусов.

Кейт встала рядом с телом и почувствовала, что уже начинает потеть в толстом белом комбинезоне криминалиста. Дождь барабанил по натянутой крыше палатки, из-за чего Леодоре пришлось повысить голос.

– Жертва расположена с наклоном в правую сторону, правая рука – под головой. Левая – прямо вытянута вперед. На поясице, ягодицах и бедрах шесть укусов. – Она указала на самую глубокую рану, где отсутствовал кусок плоти и виднелся позвоночник. Леодора подошла к голове жертвы и слегка приподняла ее: тонкий, туго затянутый шнур сильно врезался в распухшую шею. – Обратите внимание на особый узел.

– Обезьяний кулак, – впервые за все время подал голос Кэмерон. Судя по голосу, он был потрясен. Лица всех присутствующих были скрыты под масками, но в глазах у каждого читалась тревога.

– Да, – сказала Леодора, держа узел в руке, обтянутой перчаткой. Необычным этот узел, похожий на клубок пряжи, был из-за многочисленных переплетений, которые можно сделать только вручную.

– Это он. Каннибал из Девяти Вязов, – сказала Кейт. Слова вырвались прежде, чем она смогла сдержать их.

– Мне еще, конечно, нужно будет провести вскрытие, но... Да, – сказала Леодора. Дождь усилился и застучал по палатке еще громче. Она осторожно опустила голову девушки обратно на правую руку. – Найдены следы, указывающие на изнасилование. Имеются биологические материалы. И над ней издевались, наносили порезы острым предметом и прижигали кожу. Посмотрите на ожоги на руках и на внешней стороне бедер. Похоже на следы от прикуривателя автомобиля.

– Или белого фургона, – сказала Кейт.

Питер сурово посмотрел на нее. Кейт не была уверена, не воспринял ли он это как провокацию.

– Причина смерти? – спросил он.

– Необходимо провести вскрытие, но неофициально на данный момент я бы сказала, что это удушение пластиковым пакетом. У нее на шее и лице есть точечные кровоизлияния.

– Спасибо, Леодора. Я очень жду результатов вскрытия. Надеюсь, мы сможем быстро опознать эту несчастную.

Леодора кивнула своим помощникам, которые принесли складные носилки и новый блестящий черный мешок. Положив их рядом, они аккуратно перевернули тело девушки на носилки. Спереди все тело было покрыто маленькими круглыми ожогами и царапинами. Невозможно было описать ее внешность, под пластиковым мешком черты лица казались перекошенными и размытыми. У нее были большие светло-голубые глаза, затянувшиеся пеленой, и застывший взгляд, от которого Кейт пробрала дрожь. Взгляд, лишенный надежды, в котором как будто отразилась ее самая последняя мысль. Она знала, что умрет.

3

После и без того тяжелого дня вид изувеченного тела молодой девушки сильно растрожил Кейт и выбил ее из колеи, но действовать нужно было быстро. Как только они вышли из палатки криминалистов, Кейт поручили возглавить проверку всех домов на Тикет-роуд, которые тянулись вдоль длинной улицы в западной части парка.

Несмотря на то, что к ее группе прикрепили восемь полицейских, эта работа заняла у них пять часов, а дождь тем временем продолжал лить. Их первый вопрос «Не видели ли вы белый фургон и/или кого-нибудь, кто вел бы себя подозрительно?» пробуждал в обитателях Тикет-роуд страх и любопытство. О поисках белого фургона в свое время объявляли во всех новостях, но полицейским запретили давать комментарии по делу. Но даже несмотря на это, большинство людей, с которыми Кейт говорила, знали, что она расследует дело Каннибала из Девяти Вязов, и у всех у них было свое мнение, вопросы и подозрения. Так появлялось бесконечное количество версий, которые надо было проверить.

Сразу после полуночи Кейт и ее бригаду отозвали на место сбора на станции. Тело девушки увезли в морг для вскрытия, а прочесывать парк «Кристал Пэлас» в темноте и под проливным дождем было весьма затруднительно, поэтому им разрешили разойтись до утра.

Полицейский, с которым работала Кейт, сел в автобус, идущий в Северный Лондон, оставив ее на парковке одну. Она уже собралась вызвать такси, как в дальнем углу площадки моргнули фары автомобиля, и она увидела идущего ей навстречу Питера.

– Тебя подбросить? – спросил он.

Он тоже был уставший и промок насквозь, и Кейт отметила, что он не стал отсиживаться в полицейском фургоне со стаканчиком кофе, а вместо этого закатал рукава и принял участие в поисках вместе со всеми. Рядом стояли еще три полицейские машины, но Кейт полагала, что они принадлежали тем, кто на свою неудачу вытянул жребий на ночное дежурство.

Питер заметил, что она колеблется.

– Мне не сложно, да и ты оставила свои сумки у меня в машине, – сказал он. Питер не настаивал на том, чтобы подвезти ее, слишком уж рьяно, и это подтолкнуло Кейт к тому, чтобы спокойно принять его предложение.

– Было бы здорово, спасибо, – сказала она, внезапно осознав, как ей сейчас нужен горячий душ, чай, тост с маслом и медом и теплая постель. Питер открыл багажник и достал из мешка для прачечной стопку полотенец.

– Спасибо, – Кейт взяла одно и, перекинув его через плечо, принялась выжимать завязанные в хвост волосы.

Она открыла пассажирскую дверь и увидела свои сумки, стоявшие внизу, где она их и оставила. Питер открыл дверь со своей стороны и полез в бардачок. Пошарив там, он достал руководство пользователя автомобиля, связку ключей и, наконец, коробку детских салфеток. Он быстро вытер руки и кинул салфетку под машину.

– В парке что-нибудь нашли? – спросила Кейт.

– Волокна ткани, окурки и ботинок, но это же парк, мало ли кому они принадлежат.

Он подоткнул полотенце под пассажирское сиденье, затем вытащил из подстаканника термос, передал его Кейт и постелил другое полотенце на водительское сиденье. Кейт с изумлением наблюдала за ним. Казалось, для него это было привычным делом, он суетился вокруг сиденья и обстоятельно поправлял полотенце, чтобы все выглядело аккуратно и точно никуда не съехало.

– Мне кажется, вы единственный из моих знакомых, кто застилает автомобильные сиденья – сказала она.

– Мы же мокрые, а машина новая. Ты не представляешь, чего мне стоило ее заполучить, – сказал Питер со вздохом.

Впервые за тот вечер он выказал хоть какие-то эмоции. Мысль об испачканных сиденьях по-настоящему его тревожила. Кейт задумалась, не стала ли причиной этого долгая работа в полиции. Ты утрачиваешь восприимчивость ко всяким жутким вещам и вместо этого начинаешь беспокоиться по пустякам.

В Детфорд они возвращались молча. Кейт смотрела в окно, разрываясь между желанием выбросить из головы образ девушки и в то же время удержать его там. Запомнить ее лицо, сохранить в памяти каждую деталь.

Квартира Кейт располагалась на первом этаже, позади длинной вереницы магазинов на главной улице Детфорда. Подпрыгивая на выбоинах, заполненных дождевой водой, машина въехала на парковку. Они остановились перед входной дверью, расположенной под провисшим навесом, по соседству с черным входом в местный китайский ресторан, возле которого стояли составленные друг на друга ящики с пустыми бутылками из-под газировки. Свет фар, отражаясь от бледной стены здания, осветил салон автомобиля.

– Спасибо, что подбросили, – сказала Кейт, выбираясь из машины и стараясь при этом не угодить в большую лужу.

Питер протянул ей пакет с продуктами.

– Не забудь свои сумки. Завтра в десять на станции.

– До встречи.

Кейт взяла пакет и захлопнула дверь. Пока она шарил в кармане в поисках ключей и открывала дверь, свет от автомобиля осветил парковку и погас. Обернувшись, Кейт увидела, как скрылись из виду габаритные огни. Она совершила ужасную глупость, переспав со своим боссом, но на фоне этой жуткой картины с телом мертвой девушки, убийца которой разгуливает на свободе, все стало казаться совершенно не важным.

4

В квартире было холодно. Окно кухни выходило на парковку, и, прежде чем включить свет, Кейт быстро задернула шторы. Она долго принимала душ, стоя под водой, пока в тело не вернулось тепло, затем накинула халат и пошла на кухню. По батареям с бульканьем неслась горячая вода, в комнате становилось теплее. Внезапно почувствовав, что умирает с голоду, Кейт полезла в пакет за упаковкой готовой лазаньи для микроволновки и увидела, что сверху лежит связка ключей и термос Питера. Она поставила термос на столешницу и подошла к телефону, висевшему на стене кухни, собираясь позвонить Питеру на пейджер, пока он не доехал до дома. Кейт уже было начала набирать номер, когда обратила внимание на ключи, которые держала в руке. Их было четыре: все большие и старые.

Питер жил в новом доме недалеко от Пекхэма. Там на входной двери стоял новый йельский замок, она запомнила его с той ночи, когда Питер пригласил ее поужинать. Тогда она в нерешительности мялась за дверью, уставившись на этот замок, думая: *«Что я делаю? Первый раз я была пьяная. А сейчас я трезвая и все равно я здесь»*.

Эти же ключи были старомодные, предназначенные для массивных замков, а к кольцу, на котором они висели, была привязана короткая веревочка. Тонкий шнур, состоящий из переплетенных между собой синих и красных нитей, – прочный, качественный. Кейт повертела в руке веревочную петлю, на свободном конце был завязан обезьяний кулак¹. Она повесила трубку на место и уставилась на ключи.

У Кейт возникло ощущение, что пол под ней закачался, а на затылке волосы встали дыбом. Она закрыла глаза, и перед ней яркими вспышками пронеслись фотографии мертвых девушек: пакеты, прилипшие к лицам и искажающие их черты, туго завязаны на шеях веревкой. На конце веревки – узел. Кейт открыла глаза и посмотрела на связку ключей и на обезьяний кулак.

Нет. Она вымоталась и хватается за соломинки.

Кейт отодвинула стул и уселась за кухонный стол. Что она знала о Питере вне работы? Его отец умер. До нее долетали какие-то слухи о том, что его мать страдает психическими расстройствами. Она лежала в больнице. У него было трудное детство, и он всеми силами старался от него отгородиться. Он был на хорошем счету у высшего руководства. У него не было ни жены, ни подружки. Он был женат на работе.

Что, если это ключи друга? Или матери? Они были от какой-то большой двери или от тяжелого навесного замка. В полиции предполагали, что убийце необходимо было место, где он мог был держать фургон и своих жертв. Грузовой контейнер или большой гараж. Если у Питера был контейнер, он бы упомянул его. Кейт вспомнила, как он жаловался на то, что платит кучу денег за место на подземной парковке там, где он живет, и в эту стоимость не входит гараж.

Нет. У нее был долгий напряженный день, и ей надо поспать.

Кейт положила ключи на столешницу и достала из пакета лазанью. Сняв упаковку, она засунула маленький пластмассовый контейнер в микроволновку и установила таймер на две минуты. Руки у нее дрожали.

Она вспомнила, как они приглашали эксперта, вышедшего на пенсию вожатого скаутов, который, сидя в следственной комнате, рассказывал всем собравшимся про обезьяний кулак. Этот узел отличало то, что завязать его мог только человек, обладающий должными навыками. Процесс был непростой: сначала нужно было обмотать веревку вокруг четырех пальцев, затем

¹ Обезьяний кулак – декоративный веревочный узел с основой в виде металлического шарика или любого подобного предмета. Название получил из-за схожести со сжатым кулаком. – *Здесь и далее примеч. пер.*

снять получившиеся петли, поворачивая, продеть сквозь них свободный конец, а потом затянуть, чтобы получился затейливый круглый узелок.

Лазанья медленно крутилась в микроволновке.

Вожатый тогда сказал им, что в лагере все мальчишки-скауты учатся завязывать узлы. Практической пользы от обезьяньего кулака мало, и его вяжут в основном те, кто всем этим интересуется. Все, кто был в комнате, попытались завязать этот узел под чутким руководством специалиста, и справилась тогда только Марша. У Питера совсем ничего не вышло, и он шутил над тем, как он провалился.

– Да я шнурки до восьми лет не умел завязывать! – вскричал он. Все в комнате захохотали, а он, притворно стыдясь, закрыл лицо ладонями.

Ключи были старые, почти без ржавчины. Их смазывали, чтобы сохранить в хорошем состоянии. Веревка в некоторых местах лоснилась, и узелок выглядел старым, с въевшейся грязью и следами масла.

Кейт кусала ногти, не замечая, что микроволновка трижды просигналила, объявив о том, что все готово.

Она села за стол. Первыми тремя жертвами стали школьницы от пятнадцати до семнадцати лет. Все они пропали в четверг или пятницу, а их тела нашли в начале следующей недели. Все трое занимались спортом, и во всех трех случаях их похищали, когда они возвращались домой после тренировки. Все похищения проходили настолько гладко и тихо, что наверняка убийца заранее знал, где будут жертвы, и ждал в засаде.

Они опросили учителей физкультуры всех районов и вызвали некоторых на допрос, то же самое со всеми учителями мужского пола, за которыми числились фургоны белого цвета. ДНК ни одного из них не совпали. Тогда они начали проверять родителей жертв и их друзей. Круг поиска становился все шире, появлялось все больше теорий о том, как жертвы могут быть связаны с убийцей. Кейт вспомнила вопрос, написанный на белой доске в следственной комнате.

КТО ИМЕЛ ДОСТУП К ЖЕРТВАМ В ШКОЛЕ?

Внезапная мысль поразила Кейт, словно электрический разряд. У них был список учителей, их помощников, попечителей, работниц столовой и регулировщиц переходов у школы, а что насчет полицейских? Они часто ходят по школам и проводят с детьми беседы о наркотиках и асоциальном поведении.

Питер два раза таскал ее с собой в одну из центральных школ, чтобы рассказать детям о дорожной безопасности. Он также принимал участие в презентациях о вреде наркотиков, которые проводили в школах по всему Лондону. Сколько школ он посетил? Двадцать? Тридцать? Эти факты лежали на поверхности или она просто устала и была перегружена? Нет... Питер говорил, что он был в школе третьей жертвы, Трейси Пирс, за месяц до ее исчезновения.

Кейт встала и начала по очереди открывать шкафчики. Все, что она смогла найти, это бутылка сухого хереса, который она купила специально для матери в ее последний визит. Она щедро плеснула хереса в бокал и сделала глоток.

Что, если у них ничего не было на Каннибала из Девяти Вязов, потому что им был Питер Конуэй? У нее в голове всплыли воспоминания о той ночи, что они провели вместе, но она отогнала их подальше, не желая думать об этом. Она сидела и дрожала. Хватит ли у нее духу объявить своего босса серийным убийцей? Затем она внимательно посмотрела на термос Питера, стоящий рядом возле микроволновки. Он пил из него, сидя в машине. Там должны быть следы его ДНК. Кейт поднялась, не чувствуя ног. Ее сумка валялась на полу у двери. С трудом растегнув замок, она нашла в одном из внутренних карманов новый пластиковый пакет для улик.

На бутылке есть следы ДНК Питера. И у нас есть ДНК Каннибала из Девяти Вязов. Я могу по-тихому послать запрос.

Кейт достала пару резиновых перчаток и приблизилась к термосу, словно к дикому зверю, которого необходимо было поймать. Она сделала глубокий вдох, подняла термос, уронила его в пакет, запечатала и поставила на крохотный кухонный стол. У нее было ощущение, что она предала все, во что верила. Несколько минут она простояла в тишине, слушая, как по крыше барабанит дождь, а затем, сделала еще один глоток хереса, от которого по телу разлилось тепло, и немного успокоилась.

Можно никому не рассказывать об этом. Ей нужен кто-то, кто сможет держать язык за зубами. Акбар из отдела криминалистики. Она однажды столкнулась с ним на выходе из гей-бара. Неловкий был момент. Она была с парнем, как и он. На следующий день он пригласил ее выпить после работы, и она заверила его, что если это была его тайна, то она ее сохранит.

Утром первым делом она позвонит ему и как можно раньше завезет термос, чтобы он взял образец. А может быть, утром после того как она поспит, все это покажется ей безумной теорией.

Раздался стук в дверь, и Кейт выронила бокал. По линолеуму во все стороны разлетелись осколки и брызги коричневатой жидкости. Затем, после короткой паузы, чей-то голос произнес:

– Кейт, это Питер. Ты в порядке? – она посмотрела на часы. Почти два часа ночи. Снова раздался стук. – Кейт? Я слышал, как стекло разбилось. С тобой все в порядке? – Он постучал сильнее.

– Да! Все отлично! – она взволнованно посмотрела на разбитый бокал.

– Что-то непохоже. Можешь открыть?

– Я просто уронила бокал на пол у двери. Что вы тут делаете?

– Мои ключи у тебя? – спросил Питер. – Кажется, я уронил их в твой пакет.

Повисла долгая тишина. Кейт переступила через осколки и, тихонько накинув на дверь цепочку, открыла ее. С той стороны стоял насквозь мокрый Питер, с поднятым воротником пальто. Он широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы. «*Какие ровные, белые*», – подумала Кейт.

– Отлично, а то я думал, что ты уже легла. У тебя мои ключи?

5

Кейт уставилась на Питера. На улице позади него было темно, и она не могла разглядеть его машину.

– Тут льет как из ведра. Я зайду на секундочку?

– Уже поздно. Сейчас, – сказала Кейт и потянулась через лужу из разбитого стекла, чтобы взять ключи со столешницы. – Держите, – когда она протянула ему ключи, их глаза встретились. Он посмотрел на веревочную петлю с обезьяньим кулаком в ее дрожащей руке, затем с ухмылкой посмотрел ей в лицо.

Позже Кейт будет думать, как еще она могла повести себя тогда. Если бы она пошутила по поводу того, что узел-то такой же, как у убийцы, может быть, он забрал бы ключи и уехал домой?

– С машиной проблема. Колесо пробил на дороге. Потом увидел, что ключей в бардачке нет, – наконец прервал молчание Питер, вытирая с лица дождевую воду. При этом ключи он не взял, и Кейт так и продолжала стоять с вытянутой рукой. – Кейт, я мокрый весь. Можно я зайду?

Кейт колебалась, она попыталась сглотнуть, но в горле у нее пересохло.

Питер налег на дверь, и цепочка легко отлетела. Он переступил через порог, вынуждая Кейт отступить в кухню. Мокрый насквозь, он закрыл дверь и замер.

– Что?

Кейт потрясла головой.

– Ничего, простите, – в ее голосе раздались высокие дребезжащие нотки.

– Мне бы полотенце... Я весь мокрый.

Это все было похоже на дурной сон. Кейт вышла из кухни и направилась к маленькой сушилке за полотенцем. Мысли лихорадочно кружили в голове. Надо вести себя как обычно. Оглядевшись в поисках чего-нибудь для самозащиты, она схватила небольшое гладкое стеклянное пресс-папье – единственное, что можно было хоть как-то использовать в качестве оружия.

Кейт вернулась на кухню, и у нее перехватило дыхание. Питер стоял посередине комнаты, уставившись на термос, стоящий на столе в пакете для улик. Когда он обернулся, это был все тот же Питер, но его черты исказила злоба: глаза с огромными зрачками были широко раскрыты.

У Кейт в голове раздался вопль. *Сделай что-нибудь!* Но она не могла сдвинуться с места. Пресс-папье с глухим стуком упало на пол.

– Ох, дорогая Кейт. Кейт, Кейт, Кейт... – мягко сказал Питер. Осколки хрустели у него под ногами, когда он подошел к входной двери, повернул ключ и убрал его в карман.

– Питер, сэр, я ни минуты не думала, что... Моя работа – расследовать...

Он весь трясся, но двигался уверенно. Подойдя к телефону, он одним резким движением сорвал аппарат со стены вместе с металлическим креплением. Кейт вздрогнула, когда маленькие гвоздики, которыми крепился телефонный провод, повывлетали из стены и усыпали линолеум. Питер выдернул шнур питания из розетки и поставил телефон на столешницу рядом с холодильником.

– Забавно. Ты же говорила, что убийца допустит ошибку... Ключи... Гребаные ключи, – Питер сделал шаг ей навстречу.

– Нет, нет. Это всего лишь ключи, – сказала Кейт. Если он сделает еще шаг, то перегородит ей выход из кухни.

– Термос... – Он покачал головой и засмеялся. В его холодном смехе звучал металл.

Кейт бросилась в сторону гостиной, где заряжался ее мобильный, но Питер оказался быстрее. Он схватил ее за волосы, развернул и с силой впечатал в высокую дверь холодильника.

Ее щеку и висок пронзила острая боль, а Питер навалился на нее, заломил руки за спину и рукой обхватил шею.

– Такой себе у вас тут район, – хладнокровно сказал он, боком прижимая ее тело к холодильнику и хватая правой рукой за горло. Кейт отбивалась, пинала его в ногу и пыталась вцепиться ему в лицо и шею, но Питер локтями прижимал ее руки. – Квартиру вскрыли. Ты напугала грабителя. Он запаниковал и убил тебя.

Его пальцы сильнее сдавили ей горло. Кейт задыхалась, и лицо Питера, нависающее над ней, начало расплываться. Она начала скрести пальцами и нащупала край столешницы.

Питер уперся локтем ей в грудь, выдавливая из нее последние остатки воздуха. Кейт почувствовала, как у нее треснуло ребро, и сдавленно вскрикнула.

– Я позабочусь о том, чтобы твое дело дали мне. Трагическая смерть восходящей звезды полицейской службы.

Кейт вывернулась и сумела немного освободить левую руку. Она нащупала телефон, который Питер поставил на столешницу. У нее не было сил, чтобы замахнуться как следует, удар пришелся ему в лоб и острый край металлического крепления рассек кожу прямо над глазом.

На мгновение его хватка ослабла, и Кейт смогла оттолкнуть его. Питер в изумлении отшатнулся, из раны на лбу текла кровь.

Держа телефон в руке, Кейт двинулась на Питера, не чувствуя осколков под босыми ногами. Он попятился, сплевывая кровь.

Питер бросился к стойке с ножами, стоявшей у раковины, и вытащил один.

«*Ножи! Почему я сразу не схватила нож?*» – подумала Кейт. Она развернулась и рванула в гостиную, но, споткнувшись, упала прямо на телефон, выбивший их нее дух. Она перекатилась на спину и попыталась встать, но Питер навалился сверху. Он сильно ударил Кейт по лицу и, несмотря на ее попытки пинаться и изворачиваться, потащил в спальню и кинул на кровать. Она ударилась затылком об изголовье, из глаз посыпались искры. Под распахнутым халатом у нее ничего не было. Питер залез на нее, на лице у него блестела кровь, оттеня красным белки глаз и придавая улыбке жутковатый розовый цвет. Он уперся коленями ей в тазовые кости, одновременно зажав руки. Подняв нож, он провел кончиком по соскам, спустился вниз к пупку, а затем вонзил лезвие. Острая сталь легко проскользнула сквозь мышцы живота. Неспособная пошевелиться, Кейт издала мучительный вопль. Кровь с пугающей скоростью заливала живот. Он методично проворачивал нож, продвигая его в сторону сердца. Лезвие уткнулось в одно из ребер.

Питер наклонился ближе и ослабил, обнажив залитые кровью розовые зубы. Боль была невыносимой, но Кейт, собрав остатки сил, начала биться и выворачиваться и, освободив одну ногу, резко ударила коленом ему промеж ног. Питер взвыл и повалился на пол.

Кейт посмотрела на нож, торчащий у нее из живота. Кровь расплзлась по белому халату и простыням. «*Не вытаскивай нож, – произнес голос в голове. – Если вытащишь – умрешь от потери крови.*» Питер начал подниматься на ноги, глаза, залитые кровью из раны на лбу, обезумели от ярости. Кейт подумала обо всех его жертвах, обо всех молодых девушках, над которыми он измывался. От злости она ощутила всплеск адреналина и заряд энергии. Схватив стоявшую у кровати лавовую лампу, она обрушила стеклянную колбу с парафином и воском прямо ему на голову – один раз, второй, – и затем он затих, странным образом распластавшись на полу, с вывернутыми в стороны ногами.

Кейт выронила лампу из рук. Она чуть не отключилась от боли в животе, но тем не менее силой воли приказав себе не вытаскивать лезвие, прихрамывая поплелась через гостиную, нож двигался внутри в такт ее движениям. Она нашла мобильный и набрала 999. Назвав имя и адрес, она сказала, что старший инспектор Питер Конуэй и есть Каннибал из Девяти Вязов и что он только что пытался ее убить в ее собственной квартире.

В этот момент она выронила телефон и потеряла сознание.

Пятнадцать лет спустя Сентябрь 2010 год

1

Пасмурным утром в начале сентября Кейт прокладывала свой путь через песчаные дюны. На ней был черный купальник, а в правой руке болтались очки для плавания. Сухой песок, покрытый тонкой соляной корочкой, похрустывал под ее босыми ногами, пока она стремительно шагала по песчаным холмам, поросшим бледно-желтой травой.

На пляже никого не было, а в море из-за утреннего отлива виднелись ряды черных скал, о которые разбивались волны. Жемчужная серость неба, спускаясь к горизонту, сгущалась и закручивалась в черный узел. Кейт открыла для себя плавание шесть лет назад, когда поселилась у залива Турлоу на южном побережье Англии, в пяти милях от университета Эшдин, где теперь читала лекции по криминологии.

Каждое утро в любую погоду Кейт плавала в море. Так она чувствовала себя живой. Плавание улучшало ее настроение и было спасением от черноты, которая окутывала ее изнутри. Разоблачение Питера Конуэя как Каннибала из Девяти Вязов чуть не стоило Кейт жизни, но последствия всего этого были еще более разрушительными. Про их с Питером интимные отношения узнала пресса, и в дальнейшем это сыграло большую роль во время судебного процесса. Она чувствовала, что спустя пятнадцать лет все еще продолжает собирать свою жизнь по кусочкам.

Кейт преодолела дюны и, ускорившись, направилась к самой кромке воды, чувствуя, что песок у нее под ногами стал влажным и тяжелым. Первая волна обрушилась в паре метров от того места, где она остановилась, чтобы надеть очки, и вода захлестнула ее ноги. В самые холодные дни, вода была – точно острый нож, но она продолжала двигаться вперед. Ведь и правда, в здоровом теле – здоровый дух. Это была всего лишь вода. Кейт знала, как режет нож. Пятнадцатисантиметровый шрам у нее на животе всегда первым реагировал на холод.

Она опустила руки в воду и почувствовала, как отхлынувший поток слегка потянул ее вперед и оставил стоять на мокром песке с пучком водорослей, застрявших между пальцев. Кейт стряхнула их, завязала в хвост волосы, в которых уже немного проглядывала седина, и натянула на голову плавательные очки. Еще одна волна разбилась и окатила ее ноги до самых бедер. Небо становилось все темнее, и Кейт почувствовала, как на лицо упали теплые капли дождя. Она нырнула под волну. Вода поглотила ее, и она поплыла, активно работая ногами. Пронзая водяную толщу под обрушивающимися волнами, Кейт чувствовала себя обтекаемой и быстрой, точно стрела. Она могла разглядеть, как внизу песчаное дно резко обрывалось, превращаясь в каменистый мрак.

Шум прибоя то накатывал, то отступал, в то время как она выныривала на поверхность на каждый четвертый взмах, чтобы вдохнуть, и плыла дальше, навстречу шторму. Сейчас она была далеко, двигаясь как единое целое с потоками воды, катящимися в сторону берега. очередной раз вынырнув из воды, чтобы вдохнуть, она услышала глухой раскат грома. Она перестала грести и перевернулась на спину, раскачиваясь на волне. Гром грянул снова, громче. Кейт посмотрела на свой дом на вершине утеса. Уютный, ветхий домишко, расположившийся среди других, разбросанных далеко друг от друга домов, рядом с магазином для серферов и закуской, закрытыми на зиму.

Воздух был наэлектризован, надвигался шторм, но море было спокойно. Задержав дыхание, Кейт ушла под воду, чувствуя, как поверхностное течение ослабевает при приближении к песчаному дну. Ее окутали потоки холодной воды. Давление увеличивалось.

Питер Конуэй никогда не покидал ее мыслей. Иногда по утрам, когда необходимость встать с кровати казалась Кейт сродни подвигу Геракла, она задумывалась, а трудно ли ему встречать по утрам новый день? Он проведет в камере всю оставшуюся жизнь. Опасный преступник, монстр, живущий на попечении государства, никогда не отрицавший того, что совершил. Она же была героем, заплатившим за его поимку своей карьерой, своей репутацией, и до сих пор пыталась восстановить из руин свою жизнь. Она спрашивала себя, кто из них на самом деле отбывает пожизненный срок? Сегодня она чувствовала себя еще ближе к нему. Сегодня она впервые будет говорить о нем в своей лекции.

Ее легкие уже готовы были разорваться, и Кейт в два резких толчка поднялась на поверхность и поплыла обратно. По небу прокатился раскат грома, когда она приближалась к берегу, двигаясь среди перекатывающихся волн, чувствуя стук собственного сердца и покалывание на коже от соленой воды. Сзади поднялась еще одна волна, и Кейт, поймав ее и испытывая пьянящий восторг от полета на гребне, стала перебирать ногами в воде, пока не почувствовала внизу песчаное дно и не ступила снова на твердую землю.

* * *

Университетская аудитория представляла собой большой, пыльный, ничем не примечательный зал с бесконечными рядами кривых сидений, уходящих под самый потолок. Кейт нравилось наблюдать за входящими студентами со своего, очень подходящего для этой цели, места на небольшой круглой сцене. Ее поражало, как мало они замечают вокруг себя, погруженные в свои мобильники, они едва смотрели, куда садятся.

На помосте к Кейт присоединился ее помощник Тристан Харпер – высокий, хорошо сложенный молодой человек немногим старше двадцати. У него были темные короткие волосы, а сильные предплечья были покрыты замысловатыми татуировками. Как и большинство мужчин в университетских кругах, он носил бежевые брюки чинос и клетчатую рубашку с закатанными рукавами. Правда он отказался от обычных светлых мокасин и темных ботинок и сегодня был в ярко-красных высоких адидасовских кедах.

Он проверил слайды, которые уже успел загрузить в ноутбук, чтобы вывести на экран рядом с кафедрой.

– Я очень ждал сегодняшнюю лекцию, – сказал он, протягивая Кейт пульт.

Улыбнувшись, он ушел со сцены. Через несколько секунд свет погас и вся аудитория погрузилась в темноту. Студенты бурно перешептывались, и Кейт могла разглядеть их лица, освещенные экранами телефонов. Дождавшись, пока они замолчат, она щелкнула пультом от проектора.

На огромном экране вспыхнул заголовок «КАННИБАЛ ИЗ ДЕВЯТИ ВЯЗОВ».

Все дружно ахнули, когда на экране появилась фотография с места преступления. Она была сделана на автомобильной свалке. Тело молодой девушки, лежащее на боку в развороченной грязи, рядом с ржавеющими, полуразвалившимися машинами. Горы сваленных друг на друга автомобилей уходят вдаль, где виднеется силуэт окутанного туманом Лондона и возвышаются дымовые трубы электростанции Баттерси. На самой вершине одной из этих куч приютился ворон, глядящий сверху вниз на тело девушки. Из-за того, что она лежала в грязи, не защищенная от солнца, ее кожа приобрела ржавый металлический оттенок, точно она была какой-то маленькой нелепой вещицей, выброшенной хозяином за ненадобностью.

– Курс, на который вы записались, называется «Знаменитости преступного мира». Это название наглядно демонстрирует, как наше общество помешано на убийствах и маньяках.

Логичнее всего начать с серийного убийцы, которого я знаю лично. Питер Конуэй, в прошлом старший инспектор Лондонской полиции, известный как Каннибал из Девяти Вязов. Молодая девушка на фото, Шелли Норрис, стала его первой жертвой. . . – Кейт подвинулась в сторону от экрана. – Если вам трудно смотреть на подобные фотографии – значит, все в порядке. Это нормальная реакция. Если вы хотите изучать криминологию, вам придется опуститься на самое дно и иметь дело с худшими представителями человечества. Этот снимок был сделан на автомобильной свалке в районе Девяти Вязов в марте девяносто третьего, – сказала Кейт.

Она переключила слайд. На следующем широкоформатном фото было видно снятое со спины женское тело, лежащее в высокой траве. Над деревьями вокруг повисла дымка.

– Второй жертвой стала пятнадцатилетняя Доун Брокхерст. Ее тело обнаружили в Кенте, в парке «Бекенхем Пэлс», – на следующем слайде был снимок передней части тела крупным планом. Лица не было, вместо него – кровавое месиво, лишь частично сохранилась часть нижней челюсти и зубы.

– В Кенте на границе с Лондоном обитает одна из наиболее крупных в Британии популяций диких лис. Тело Доун нашли не сразу, за эти несколько дней лисы в поисках пищи разодрали пакет и обглодали часть ее лица, – Кейт переключила на слайд, где был дан крупный план следов от укусов. – Каннибал из Девяти Вязов любил кусать своих жертв, а также удалять куски плоти и есть их, но поскольку имел место контакт с дикими животными, следы укусов сначала тоже приписали лисам. Это не позволило сразу связать первые два убийства.

Раздался глухой стук – в центре зала девушка резко вскочила, опрокинув деревянный стул, и выбежала из аудитории, зажимая рот ладонью.

Кейт пролистала фотографии третьей жертвы и остановилась на четвертой – Кэтрин Кэхилл. Она снова вернулась в ту дождливую ночь в парке «Кристал Пэлс». Жар от ярких ламп в палатке криминалистов усиливал запах разложения, но вместе с этим, под воздействием тепла и света, трава стала пахнуть как в солнечный летний день. Взгляд Кейт пронизывал пластиковый мешок на голове девушки. И после всего этого Питер накрывал сиденья своей машины полотенцами, потому что «они испачкаются».

Кейт переключила на слайд с фотографией Питера Конуэя, сделанной для удостоверения в 1993 году. Одетый в форму Лондонской полиции, с фуражкой на голове, он улыбался в объектив. Красивый и харизматичный.

– Питер Конуэй, уважаемый офицер полиции днем, серийный убийца ночью.

Кейт рассказала историю своей службы в полиции вместе с Питером, как она догадалась, что именно он был Каннибалом из Девяти Вязов, и как еле выжила, вступив с ним в борьбу.

На следующем снимке была квартира Кейт после нападения. Термос и связка ключей с пронумерованными маркерами для улик на кухонной столешнице. Старая, потертая мебель в гостиной, а дальше – спальня. Отходящие от стен из-за сырости и закручивающиеся по краям обои с узором их желтых, оранжевых и зеленых цветов, двуспальная кровать и ком пропитанных кровью простыней. Сгустки застывшего оранжевого воска с осколками лавовой лампы, которой она его ударила.

– Я могла бы стать его пятой жертвой, но отбилась. Врачи быстро среагировали и не дали мне умереть от удара ножом в живот. Они же промыли Питеру желудок и обнаружили уже частично переваренные мягкие ткани со спины Кэтрин Кэхилл.

В аудитории стояла тишина. Все студенты сидели как парализованные, и Тристан вместе с ними. Кейт продолжила.

– В сентябре 1996 года Питер Конуэй предстал перед судом и в январе 1997 по решению Ее Величества был заключен в Бландестонскую тюрьму в Саффолке. После ухудшения его психического состояния и нападения другого заключенного по закону об охране психического здоровья он был на неопределенный срок перемещен в психиатрическую лечебницу

имени Баруэлла в Сассексе. Это дело до сих пор привлекает внимание общественности, и сама я всегда буду неразрывно с ним связана. Именно поэтому я решила начать с него этот курс.

Включили лампы, и студенты какое-то время моргали и щурились от яркого света.

– Так, теперь. У кого есть вопросы?

После продолжительной паузы молоденькая девушка с коротко подстриженными розовыми волосами и проколотой губой подняла руку:

– Вы успешно раскрыли дело, но тем не менее полиция сделала из вас козла отпущения, и в итоге вы одна отдувались за все. Как вы думаете, это как-то связано с тем, что вы – женщина?

– Тот факт, что самый блестящий офицер подразделения оказался убийцей в их самом громком деле, стал для Лондонской полиции большим позором. Эти убийства не сходили с первых полос почти два года. Скорее всего вы читали о том, что я однажды по глупости вступила с Питером Конуэем в интимные отношения. Когда это всплыло, журналисты решили, что я что-то знала, а это было не так.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Вы бы вернулись на службу в полицию? – спросил паренек, сидевший один в углу.

– Не теперь. Я всегда хотела работать в полиции, но, похоже, что моя карьера завершена. Поимка Каннибала из Девяти Вязов стала моим звездным часом. Она же сделала мою дальнейшую карьеру в полиции невозможной.

Парень кивнул и нервно улыбнулся.

– А ваши коллеги? Вам не кажется несправедливым, что многие из них смогли сохранить анонимность и продолжить работать? – спросила еще одна девушка.

Кейт замолчала. Ей так хотелось ответить: «Конечно, мать вашу, это было несправедливо! Я любила свою работу и могла еще столько всего сделать!». Но вместо этого, сделав глубокий вдох, она сказала:

– Я работала с превосходной командой полицейских. И я рада, что у них есть возможность продолжать делать свое дело – заботиться о нашей безопасности.

По аудитории прокатился приглушенный шепот, и девушка с розовыми волосами снова подняла руку:

– Эмм... Возможно, это слишком личное, но мне очень интересно... У вас от Питера Конуэя есть сын, да?

– Да, – ответила Кейт.

Студенты изумленно что-то забормотали. Похоже, не все были в курсе ее истории. Большинству из них было два-три года, когда все это попало в газеты.

– Ух ты... Ясно. Получается, ему сейчас четырнадцать?

Кейт не хотела говорить о сыне.

– Исполнилось четырнадцать пару недель назад, – подтвердила она.

– Он знает, кто его отец? Знает о его прошлом? Каково ему от этого?

– Эта лекция не о моем сыне.

Розоволосая девушка глянула на своих соседей: парня с длинными дредами мышиного цвета и стриженную под мальчика девчонку с черными волосами и помадой в тон – и закусила губу. Ей было неловко, но она непременно хотела узнать больше:

– А вы не боитесь что он станет типа серийным убийцей, как его отец?

Кейт закрыла глаза, и на нее нахлынула волна воспоминаний.

Больничная палата, похожая на номер в отеле. Толстый ковер. Бархатные обои. Цветы. На тарелке разложены свежие фрукты. На прикроватной тумбочке – меню с золотым тиснением. Там было так тихо. Кейт так хотела оказаться в обычном родильном отделении, бок о бок с другими матерями, кричать от боли, наблюдать радости и горести других. Воды у нее отошли рано утром, когда она была у родителей. Она почти что обрадовалась схваткам, кото-

рые короткими острыми приступам боли вытеснили страх, подспудно точивший ее предыдущие пять месяцев.

Ее мать Гленда сидела рядом. Держала ее за руку. Напряженно, испуганно, скорее из чувства долга, не выказывая никакой радости от скорого появления на свет ее первого внука. Одна из бульварных газет оплатила отдельную палату. Как ни парадоксально, это была последняя возможность укрыться от посторонних глаз. В обмен на оплату счета газета получит возможность сделать эксклюзивный снимок Кейт с ребенком, через окно роддома в то время, которое выберет сама Кейт. Пока что шторы оставались опущенными, но Кейт заметила, как мать поглядывает в ту сторону, зная, что фотограф уже ждет у окна в офисном здании напротив.

В ночь, когда Кейт раскрыла дело, она не предполагала, что находится уже на пятом месяце беременности. В результате нападения ее внутренние органы оказались изрезаны, и она на несколько недель угодила в реанимацию с осложнениями и обширным заражением. К тому времени, когда она могла задуматься об аборте, предельно допустимый срок для прерывания беременности уже прошел.

Роды были долгими и сложными, а когда ребенок наконец выбрался наружу и издал свой первый крик, Кейт вся похолодела. Измученная, она откинулась назад и прикрыла глаза.

– У вас мальчик, здоровенький, – сказала акушерка. – Хотите подержать?

Не открывая глаз, Кейт помотала головой. Она не хотела ни смотреть на него ни брать на руки и была признательна, когда его унесли и плач стих. Гленда ушла, оставив ее на пару часов, чтобы немного отдохнуть в отеле неподалеку, и Кейт осталась лежать в темноте. Она чувствовала себя как будто в параллельной вселенной. Этот ребенок был навязан ей судьбой. Она злилась на него и на всех вокруг. И он оказался мальчишкой. С девочкой она бы лучше справилась. Мальчики становятся серийными убийцами, девочки – очень редко. Она провалилась в беспокойный сон, а когда проснулась, в палате было темно. Рядом с ней поставили детскую кроватку. Мягкий, похожий на бульканье, звук потянул ее туда. В ее воображении ребенок появился на свет с рогами и красными глазами, но, заглянув в кроватку, она увидела самого прелестного на свете малыша. Он открыл глазки, васильково-голубые, а на одном – оранжевое пятно, прямо как у нее. Младенец вытянул крошечную ручку. Кейт протянула палец, за который он сразу схватился, улыбаясь и обнажая голые десны.

Кейт почувствовала, как к ней постучался материнский инстинкт, это было как разряд электричества, будто кто-то щелкнул выключателем. На нее обрушилась огромная волна любви. Как она могла подумать, что этот очаровательный кроха – злодей? Да, в нем есть гены Питера Конуэя, но ведь и ее собственные тоже есть. У них обоих одинаковый редкий цвет глаз, а это ведь должно о чем-то говорить. Наверняка это значит, что он скорее в мать, чем в отца. Кейт нагнулась и аккуратно взяла ребенка на руки. Она чувствовала, как его маленькое теплое тельце идеально повторяет все изгибы ее рук, как пахнет его головка. Этот божественный запах малыша... Ее малыша.

Кейт вернулась обратно в настоящее. Студенты заинтересованно смотрели на нее. В аудитории царил густая, давящая тишина.

Кейт щелкнула пультом и на экране появился последний слайд с газетной вырезкой, на которой была фотография Питера Конуэя в наручниках у здания суда Олд Бэйли в Лондоне. Заголовок выше гласил: **УБИЙЦА-КАННИБАЛ ПРИГОВОРЕН К ПОЖИЗНЕННОМУ.**

– Об этом мы будем говорить на протяжении курса. Природа против воспитания. Серийными убийцами рождаются или становятся? И в ответ на ваш вопрос... Я хочу, вернее, я должна верить, что все-таки – последнее.

2

После лекции Кейт поднялась в свой кабинет. Ее рабочий стол стоял рядом с большим остекленным эркером с видом на море. Сам кампус располагался на границе с пляжем, отделяемый от него лишь дорогой и дамбой.

Из-за прилива волны накатывали и разбивались о пирс, выстреливая в небо фонтаном брызг. Кабинет представлял собой уютную комнату с двумя заваленными всякой всячиной столами, потрепанным диванчиком и большим книжным шкафом у дальней стены.

– Вы как, в порядке? – спросил Тристан, сидевший за своим столом в углу, зарывшись в кучу писем. – Тяжело, наверное, заново переживать все это.

– Да, иногда напоминает день сурка, – сказала Кейт, с облегчением опускаясь в кресло. По дороге из аудитории они прихватили с собой кофе и теперь, сняв со стаканчика пластмассовую крышку, Кейт подумала, что было бы неплохо, окажись сейчас под рукой миниатюрная бутылочка виски, чтобы добавить в свой американо. Всего один «Джек Дэниелс», теплый и успокаивающий, чтобы «закруглить» обжигающую горечь кофе и забыться. Глубоко вдохнув, она прогнала мысли об алкоголе. Одной бутылочкой дело никогда не заканчивается.

Все на факультете знали историю Кейт и Питера – и Тристан в том числе, – но сегодня она впервые так подробно говорила об этом перед ним. Она не хотела быть заложницей своего прошлого, но стоит однажды предстать жертвой в глазах других – и ты застрял.

– Не думаю, что многие студенты, изучающие криминалистику, могут похвастаться, что их преподаватель реально поймал серийного убийцу, – сказал Тристан, подул на свой кофе и сделал глоток. – Это круто, – он включил компьютер и начал что-то печатать.

Он не начал смотреть на нее по-другому и не собирался углубляться в тему и задавать вопросы. Он хотел, чтобы все оставалось, как было, и Кейт была ему за это признательна. Одной из причин, почему ей нравилось иметь помощника мужского пола, было то, что парни гораздо более прямолинейные. Тристан усердно работал, но при этом не был зажат, и с ним легко было найти общий язык. Они могли работать в приятной тишине, не чувствуя необходимости поддерживать разговор. Кейт включила свой компьютер.

– Что-нибудь слышно от Алана Хэксама?

– Я писал ему в пятницу, – сказал Тристан, пролистывая свою электронную почту. – Пока не ответил.

Алан Хэксам был судмедэкспертом, с которым Кейт сотрудничала последние три года. Раз или два в семестр он приходил на ее занятия по нераскрытым делам в качестве приглашенного лектора.

– Свяжись с ним еще раз. Мне нужно, чтобы он подтвердил, что точно придет на следующей неделе на лекцию по протоколам судебно-медицинской экспертизы.

– Хотите, чтобы я ему позвонил?

– Да, будь добр. Его номер есть в папке со всеми контактами на рабочем столе.

– Сейчас займусь.

Кейт открыла входящие. Она не узнала адрес отправителя первого письма и кликнула по нему.

Коттедж Клирвью
Чью Магна
Бристоль
BS40 1PY
21 сентября 2010 г.

Уважаемая мисс Маршалл, прошу прощения за то, что мое письмо, наверное, будет для вас как снег на голову. Меня зовут Малкольм Мюррей, и я пишу вам от своего имени и от имени моей жены Шейлы.

Наша дочь, Кейтли и Мюррей, пропала без вести в воскресенье 9 сентября 1990 года. Ей было всего лишь 16 лет. Она пошла встретиться с другом и не вернулась. У нас есть основания полагать, что она была похищена и убита Питером Конуэем.

Мы совсем в отчаянии. Сначала мы сотрудничали с полицией, а потом, когда дело заглохло, наняли частного детектива. Все это ни к чему не привело, такое впечатление, что наша любимая девочка просто исчезла с лица земли. В прошлом году мы были совсем на грани, когда экстрасенс, к которому мы пришли, сказал нам, что Кейтлин умерла и обрела покой и что ее жизнь оборвалась вскоре после того, как она пропала в 1990 году.

В начале года я случайно столкнулся с Меган Хибберт, школьной подружкой Кейтлин, она с семьей эмигрировала в Мельбурн незадолго до того, как Кейтлин пропала. В 1990-м интернета не было и Меган не знала о деле Питера Конуэя (а Кейтлин пропала за пять лет до того, как дело Девяти Вязов попало в газеты).

Я разговорился с Меган, и она припомнила, что Кейтлин пару раз тайком ходила на свидание с полицейским. Меган говорит, что видела их вдвоем, и описывает этого мужчину как Питера Конуэя. Как вам известно, до перевода в Лондонскую полицию он служил инспектором в полиции Манчестера с 1989 по 1991 год.

Недавно я передал эту информацию полиции, они, как и положено, дополнили дело и обновили информацию о Кейтлин на своем сайте поиска пропавших, но заявили, что этой информации недостаточно, чтобы заново открыть дело.

Я хочу спросить, не согласитесь ли вы разобраться с этим?

Мы с женой уверены, что Кейт мертва. Мы просто хотим найти нашу девочку. Мне ненавистна сама мысль, что ее останки лежат позабытые где-нибудь в канаве или канализации. Сейчас мы хотим лишь похоронить ее как положено, по-христиански.

Разумеется, мы заплатим. Ниже указан мой номер телефона. Можете также ответить письмом.

*С наилучшими пожеланиями и надеждой,
Малкольм Мюррей*

Кейт откинулась в кресле. Ее сердце стучало так громко, что она взглянула на Тристана, уверенная, что ему тоже слышно, но он в этот момент как раз оставлял сообщение на автоответчике Алана с просьбой перезвонить и подтвердить, что он придет на лекцию.

Она осушила свой стаканчик с кофе, как никогда чувствуя необходимость плеснуть себе «Джека». Слухи о том, что у Питера Конуэя, вероятно, были и другие жертвы, ходили и ранее, в том числе в газетах. Все эти годы полицейские искали в разных направлениях, но так ни к чему и не пришли. Имя Кейтлин Мюррей она слышала впервые.

Кейт уставилась в окно, глядя на море. Закончится ли это когда-нибудь? Сможет ли она когда-нибудь убежать от тени Питера Конуэя и от всех тех ужасных вещей, которые он совершил? Перечитав письмо еще раз, она поняла, что не может проигнорировать его. Где-то внутри нее всегда будет жить полицейский. Кейт придвинула кресло поближе к столу и начала писать ответ.

3

В тридцати милях от кабинета Кейт судебно-медицинский эксперт Алан Хэксам под проливным дождем мчался в своей машине по петлявшей проселочной дороге, мимо густо растущих деревьев, сквозь которые проглядывали горы и широкий скалистый пейзаж. Мобильный телефон зазвонил и соскользнул на пассажирское сиденье, где лежал «МакМаффин» с яйцом и котлетой. Свободной рукой Алан схватил телефон, но, увидев номер университета Эшдин, сбросил звонок и кинул телефон обратно на сиденье. Вместо него он взял «МакМаффин», развернул бумагу и начал есть.

Алан не ожидал, что его в этот день вызовут на работу: накануне вечером он допоздна задержался в морге, и голова у него до сих пор была как в тумане. Ему было уже под шестьдесят, и он больше не мог, как раньше, работать всю ночь напролет.

Дождь усилился, сделав видимость еще хуже, и Алан включил дворники на полную скорость. Снова зазвонил телефон, и, видя, что это был один из его коллег, Алан взял трубку и заговорил с набитым ртом:

– Я буду через пять минут... Ты где?... Господи, ну давай быстрее! Этот дождь сейчас нам все улики нахрен смочит.

Он отключился и бросил телефон обратно, а дорога в это время сжалась до одной полосы и извивалась между высокими скалами, там, где сходились холмы. Алан включил фары, надеясь, что ему не попадет встречная машина. Когда скалы с обеих сторон расступились и дорога снова расширилась, он прибавил скорость.

Алан увидел патрульную машину, припаркованную у низкой каменной стены, рядом с открытыми воротами. Он остановился сзади и, с трудом преодолев сопротивление порывов ветра, открыл дверь и выбрался из машины, его седые волосы до плеч тут же отбросило назад. На мгновение он услышал голос матери: «Алан, с такой прической далеко не пойдешь. Тебе нужна нормальная стрижка – короткие виски и затылок!». Он снял с запястья одну из резинок, которые носил с собой, и завязал волосы в хвост, все еще чувствуя, будто бросает матери вызов, хотя она давно уже умерла.

Он увидел в патрульной машине двоих полицейских. Они вышли и тоже направились к воротам. Оба выглядели шокированными. С констеблем Таней Бартон он уже работал раньше, а вот парень с бледной, почти прозрачной кожей был ему незнаком.

Алан навис над молодыми полицейскими. Он всегда отличался высоким ростом, но с возрастом он раздался вширь, и теперь со своим обветренным лицом и густой бородой, такой же седой, как и волосы, он напоминал большого медведя.

– Доброе утро, сэр. Это констебль Том Барклай, – перекивая дождь представила коллегу Таня. Том протянул руку.

– Мне необходимо осмотреть место преступления, – прокричал Алан. – Дождь уликам не на пользу.

Таня повела их через ворота. Низко склонив головы, они быстро пошли по полю, густо поросшему травой и кустарниками, кое-где валялись кости овец, ветер ревел у них в ушах, а серое небо, казалось, давило сверху. У вздыбленной ветром реки берег резко обрывался. Бурая вода неслась между камней, увлекая за собой крупные ветки и плавучий мусор.

Тело лежало на берегу среди скал и кустов утесника, и Алан издали мог разглядеть, что оно было уже в поздней стадии разложения. Тело сильно раздулось, а на коже виднелись желтые и черные пятна. Длинные грязные волосы сильно спутаны. На спине и бедрах шесть открытых ран, в двух местах вырваны куски плоти и виднеется позвоночник.

Что-то в расположении тела сразу насторожило Алана. Он подошел к голове, чтобы посмотреть, женщина это или мужчина, и почувствовал, как его завтрак запросился наружу.

Лица не было. Алан привык к виду крови и внутренностей, но иногда жестокость преступления витала в воздухе и, казалось, была практически осязаемой. Все выглядело так, будто лицо было содрано, осталась только нижняя челюсть и ряд зубов.

Алан приблизился, натягивая резиновые перчатки.

– Вы трогали тело? – прокричал он. Направление ветра резко переменялось, и запах гнилого мяса ударил им прямо в лицо. Оба молодых полицейских вздрогнули и отступили на шаг назад.

– Нет, сэр, – сказал Питер, зажимая рот рукой.

Алан осторожно повернул тело и увидел, что это женщина. Ее голова лежала на плече, а рука была вытянута вперед. Алан заметил что-то на распухшей шее. Он приподнял голову одной рукой, другой придерживая тело за бедро, чтобы оно не скатилось с берега в мутный поток. Вокруг шеи была затянута тонкая веревка, из-под которой торчали обрывки пластикового мешка. Стоило Алану поднять голову повыше, как из грязи вынырнул свободный конец веревки, на котором он разглядел узелок. Маленький шарик из перекрещиваний и переплетений.

– Твою ж мать, – произнес Алан, но ветер унес его слова. Он повернулся к Тане. Из них двоих у нее было больше шансов не выbleвать свои внутренности. – Мне нужен телефон. Он в левом кармане пальто! – кричал Алан, поддерживая голову жертвы.

Немного поколебавшись, Таня потянулась и начала робко перебирать складки длинного пальто Алана.

– Быстрее! – Таня достала телефон и протянула ему. – Нет, мне надо, чтобы ты сфотографировала веревку и узел, – сказал Алан. – Пин-код два, один, три, два, четыре, три.

Дрожащими руками она разблокировала телефон, отошла назад и приготовилась снимать.

– Ближе давай, это тебе не семейное фото! Мне нужна веревка на шее и узел крупным планом!

Пока Таня делала фотографии, Алан заметил у жертвы на поясице татуировку – китайский иероглиф. Уголок был откушен. Оставшееся изображение на раздувшейся коже расплылось и поблекло. Алан аккуратно опустил голову девушки и выпрямился. Он почувствовал облегчение, когда заметил фургон криминалистов, въехавший на поле через ворота. Сняв перчатки, он забрал у Тани свой телефон. Он пролистал фотографии и остановился на той, где крупным планом была снята веревка и грязный узел. Алан приблизил участок снимка с узлом. Он бы не определил, что это обезьяний кулак, если бы не другие детали: укусы, расположение тела, содранное лицо.

Он поднял взгляд на полицейских. Они внимательно наблюдали за ним.

Алан убрал телефон и отогнал мысли о Каннибале из Девяти Вязов подальше. Он хотел сосредоточиться на том, чтобы сохранить как можно больше улик с места преступления.

4

После обеда Кейт осталась в кабинете одна. Ей нужно было проверить кучу работ, но она никак не могла собраться с мыслями и постоянно открывала электронную почту в ожидании ответа от Малкольма Мюррея.

Мы хотим найти нашу девочку... и похоронить ее как положено, по-христиански.

В своем ответном письме Кейт не стала ничего обещать. Что она могла сделать? Она больше не работает в полиции. У нее нет доступа к расследованию. Она предложила побеседовать, сказала, что свяжет его с кем-нибудь из полицейских, кто изначально занимался этим делом, но потом она подумала, что поторопилась с этим. Кейт не поддерживала связь ни с кем. Кэмерон завел семью, теперь он – старший инспектор. Живет на севере. Марша умерла от рака легких через четыре года после того, как Питера посадили, а остальных ее коллег разбросало кого куда.

Отложив работы студентов в сторону, Кейт открыла Гугл и начала искать информацию об исчезновении Кейтлин Мюррей. Электронных архивов местных газет от 1990 года было очень мало, и все, что она смогла найти, это малюсенькая заметка 1997 года о том, что полиция официально закрыла дела пропавших без вести. Затем Кейт вошла на сайт поиска пропавших по всей Великобритании. Сердце сжималось при виде тысяч пропавших людей, разыскиваемых их любимыми и членами семей.

Пришлось покопаться, но в итоге Кейт нашла Кейтлин в базе данных. Кто-то допустил в ее имени ошибку и написал его как Кетлин. На сайте было всего одно фото, на котором Кейтлин была запечатлена в школьной форме: черные броги, короткая зеленая юбка, черные колготки, кремовая рубашка и сверху – зеленый блейзер. Фото было как будто вырезано из большой общей фотографии всего класса. Кейтлин сидит на пластмассовом стуле, а за ней виднеется серый пиджак ее одноклассника или учителя. Она была красивой девочкой, у нее было лицо в форме сердца и большие голубые глаза. Руки Кейтлин были сложены на коленях, она слегка горбилась. Светло-русые волосы убраны в хвост, а пряди у лица падают на одну сторону, отчего Кейт решила, что фотография была сделана на улице холодным ветреным днем. Ее поразило, с какой прямой девочка смотрела в камеру и криво улыбалась.

Крошечная статья 1997 года была из газеты «Эхо Олтринхэма». В ней говорилось, что Кейтлин была ученицей Олтринхэмской средней школы. Кейт зашла на сайт школы, но там не было фотографий старше 2000 года. Когда день подошел к концу, а солнце уже было готово опуститься в море, Кейт почувствовала, что зашла в тупик. Около шести она последний раз проверила почту и, не увидев ответа, отправилась домой.

* * *

В коридоре Кейт почувствовала, как уютно и тепло было дома. Система отопления была древняя, и теперь, когда погода начала портиться, Кейт переживала, выдержит ли она еще одну зиму. Повесив пальто, она услышала обнадеживающие щелчки и звяканье, которые издавал бойлер наверху, а затем – бульканье воды по трубам. Прихожая на первом этаже перетекала в большую гостиную и кухню. Панорамное окно, занимавшее всю дальнюю стену, выходило на сторону моря, а рядом стояло уютное кресло. В нем Кейт проводила большую часть своего свободного времени. Было что-то гипнотическое и умиротворяющее в том, чтобы наблюдать за морем. Оно постоянно менялось. Сейчас оно было спокойно, шторм, бушевавший днем, прекратился. Почти полная луна отбрасывала на поверхность воды серебристую дорожку.

Остальная мебель в комнате была старой и громоздкой: выдавший виды диван, кофейный столик, пианино у стены, на котором она не играла. Дом шел впридачу с местом препо-

давателя, и все, что в нем было, принадлежало ее предшественнику. Остальные стены были спрятаны за книжными шкафами, беспорядочно уставленными романами и научными работами. Кейт прошла на кухню, положила сумку на маленькую стойку и открыла холодильник. Треугольник яркого желтого света осветил темную комнату. Она достала кувшин холодного чая и блюдо с нарезанным лимоном. Привычка выпить чего-нибудь после работы никуда не делась. Она достала бокал, до середины наполнила его льдом, добавила ломтик лимона и ледяной чай. Не включая свет, Кейт уселась в кресло у окна, откуда открывался вид на темные перекатывающиеся волны, поблескивающие в лунном свете. Она сделала глоток, наслаждаясь сладковато-горьким вкусом чая с сахаром и лимоном.

Кейт состояла в группе анонимных алкоголиков, и там такое не одобряли. В чае со льдом не было алкоголя, но зато был обычный для «стаканчика после работы» ритуал. «Да и черт с ним», – думала Кейт. Для нее это работало. Она посещала собрания, поддерживала связь с куратором и не пила уже шесть лет. Она всегда любила выпить. Пойти после работы в паб и надраться было частью особой культуры службы в полиции. И в хорошие, и в плохие дни выпить было просто необходимо, но когда из-за того дела вся ее жизнь перевернулась с ног на голову, это стало проблемой и начало негативно сказываться на ее материнстве.

Джейк ни разу не пострадал, но часто Кейт напивалась так, что была не в состоянии делать что-либо. Ее родители, Гленда и Майкл, забирали мальчика на выходные. Несколько раз они оставляли его у себя и дольше, чтобы дать Кейт возможность привести дела в порядок.

Как-то раз в пятницу вечером, когда Джейку было шесть, все стало совсем плохо. Он только начал ходить в начальную школу в южном Лондоне, а Гленда и Майкл уехали на все выходные. Кейт пила всю неделю, как она думала – умеренно, но вечером в четверг она рухнула без сознания прямо в супермаркете, и ее с алкогольным отравлением увезли в больницу на скорой. Когда она не пришла за Джейком в школу, позвонили сначала ей, потом ее родителям, никто не ответил. Наступил вечер, и в школу вызвали социальных работников. Гленда и Майкл примчались как только смогли, и Джейк успел провести в добродушной приемной семье всего несколько часов, но из-за этого случая проблемы Кейт с алкоголем всплыли наружу. Она согласилась отправиться в реабилитационный центр, а Гленда и Майкл получили временную опеку.

Теперь, оглядываясь назад, Кейт понимала, что тогда она не совсем отдавала себе отчет в том, что происходит. Она не относилась к реабилитации серьезно. Она думала, что Джейк просто побудет у ее родителей, как раньше, и она заберет его, надо лишь оплатить все взносы и завязать. Ведь есть же и другие родители, которых увозят в больницу, и они не успевают к окончанию уроков. Выписавшись через три месяца из реабилитационного центра, она обнаружила, что Гленда и Майкл подали прошение о постоянной опеке и получили ее.

В последующие годы Кейт всеми силами старалась вернуться в колею. Она боролась с родителями за право видеться с сыном и подала несколько исков о восстановлении на службу в полицию. Адвокаты Питера Конуэя подали несколько апелляций, из-за которых дело не сходило с новостных заголовков и весь этот цирк продолжался.

Кейт смогла наконец завязать, когда ей предложили спасительную должность в университете Эшдин. К ней прилагался дом и полная смена обстановки, а работа в университете показалась Кейт вполне выполнимой и достаточно приятной. Она так долго стремилась воссоединиться с сыном, но к тому моменту ему уже было девять, он ходил в прекрасную школу, имел множество друзей и был счастлив. Кейт понимала, что Гленда и Майкл были с ним, когда она не могла, и в интересах Джейка было остаться с ними. С годами она наладила с ним отношения, она виделась с ним на каникулах и иногда по выходным, два раза в неделю, в среду и воскресенье, они созванивались по скайпу. Ее преследовало чувство вины и стыда за то, что у нее забрали сына, но она изо всех держалась за все хорошее, что у нее было, и не пила.

Джейк становился старше, и Кейт понимала, что лучше уж Гленда будет подвозить его в школу и на встречи с друзьями. С ней он не был сыном печально известной матери и отца

– серийного убийцы. Живя вдали от Кейт, он мог вести относительно нормальную жизнь. Он просто был ребенком, живущим с бабушкой и дедушкой в большом доме с огромным садом и миленькой собачкой.

Джейк знал, что его отец – плохой человек и сидит за решеткой, но Питер Конуэй не играл в его жизни никакой роли. Ему запрещалось вступать в контакт с Джейком, пока тому не исполнится шестнадцать. Но Кейт уже чувствовала надвигающиеся проблемы. Джейку исполнится шестнадцать через два года. Он уже сейчас пристает к Гленде с просьбами разрешить ему зарегистрироваться на «Фейсбуке» и приближается к возрасту, в котором проявляется подростковое самосознание и появляются вопросы.

Кейт всегда чувствовала, что это неправильно, что она приходит домой одна, а ее сын живет где-то там, но она должна ждать и верить, что самое лучшее еще впереди. У Джейка будет замечательная жизнь. Она была настроена сделать для этого все, даже если это значило отдалиться от него на начальном этапе его жизни.

На небольшом столике рядом с креслом стояли фотографии Джейка в рамках. Там была его последняя фотография с классом и еще та, на которой Джейк запечатлен со своим любимым лабрадором Майло в большом зеленом саду у родителей Кейт. Больше всего ей нравилась самая новая фотография, сделанная в конце августа внизу на пляже. Вода в море убыла, и они стояли рядом с гигантским замком из песка, на строительство которого потратили полдня. Джейк обеими руками обхватил ее за талию, и они оба улыбались. Солнце светило им в лицо, отчего одинаковые оранжевые пятна в их голубых глазах казались еще ярче.

Кейт взяла фотографию в руки и погладила его лицо через стекло. Сейчас Джейк уже доставал ей до плеча. У него были добрые глаза, темные волосы, падающие на лицо, как у ребят из *One Direction*. Он был красивым мальчиком, но у него был нос Питера, прямой и слегка заостренный.

– Естественно он будет похож на отца, это природа, – произнесла Кейт вслух. – А вот воспитание – это моя задача... точнее моих родителей. Он ведь счастлив. У него нет никаких причин становиться плохим.

Кейт почувствовала, как глаза у нее наполнились слезами. Поставив фотографию на место, она посмотрела в свой стакан с холодным чаем. *Это ведь так просто – налить себе чего-нибудь. Всего один стаканчик.* Она отмахнулась от этой мысли, и та ушла. Кейт осушила бокал и посмотрела на школьную фотографию Джейка, на которой дети сидят на скамейках в два ряда вместе с мисс Прентис, миловидной блондинкой чуть за двадцать. Джейк сидел в окружении четырех лучших друзей, точно в составе нового маленького бой-бэнда, улыбался и шурился от солнца.

Мысли Кейт вернулись к школьной фотографии Кейтлин Мюррей. Она не выглядела счастливой, как Джейк. Как только Кейт встала, чтобы включить ноутбук и проверить, ответил ли отец Кейтлин на ее письмо, зазвонил телефон. На кухне она вытащила телефон из сумки и увидела, что это был Алан Хэксам.

– Привет. Засиделся допоздна? – сказала она.

Ей нравился Алан. Он читал лекции ее студентам каждый семестр, и, помимо того, что он был блестящим судмедэкспертом, он стал ее другом.

– Кейт, ты занята? – спросил он без предисловий.

– Нет. Что-то случилось?

– Я хочу, чтобы ты приехала в морг. Мне нужно услышать твое мнение.

– Мое мнение? – спросила Кейт.

Судя по голосу, Алан, обычно очень жизнерадостный, был взвинчен. Почти напуган.

– Да, Кейт, пожалуйста. Мне бы очень пригодилась твоя помощь и твои знания.

5

Морг находился на окраине Эксмута, всего в нескольких милях от дома Кейт. Он занимал подвал большой викторианской больницы, на парковке было тихо и пусто. Из-за крыши здания возвышался длинный дымоход, из которого в безоблачное небо валил густой черный дым.

Вход в морг был через боковую дверь, затем, Кейт пошла по сырому туннелю, ведущему в подвал. Там пахло плесенью и дезинфекцией, а тусклые желтые лампочки, симметрично установленные вдоль коридора, моргали и издавали жужжащие звуки.

Туннель выходил в яркую приемную с высоким потолком, украшенным лепниной викторианской эпохи. Узор навел Кейт на мысль о перекрученных кишках или мозговой ткани. Она отметилась и ее проводили в анатомический театр. Покосившиеся деревянные сиденья по кругу расходились от центра зала наверх, где исчезали в темноте.

Большое голое тело лежало в центре зала, на столе для вскрытия из нержавеющей стали. Алан работал с двумя ассистентами. На всех были голубые медицинские костюмы и прозрачные маски из плексигласа. Распухший чернеющий труп был вскрыт от паха до грудной клетки, а оттуда выше шли два разреза по диагонали вокруг плеч и до самой шеи. Грудная клетка была распилена вдоль и раскрыта, напоминая крылья бабочки. На месте лица вызывающе зияла дыра, а из нижней челюсти торчал ряд зубов, похожих больше на растущие кучкой ядовитые грибы. Кейт в нерешительности остановилась у входа, вдыхая зловоние, смешанное с пыльным древесным запахом старой аудитории.

– Легкие здоровые, в хорошем состоянии, но уже практически разжижились, – говорил Алан, поднимая легкие запачканными кровью руками. Они водянисто повисли над вскрытым телом, напоминая Кейт мертвого осьминога. – Быстрее, они сейчас развалятся!

Алан заметил Кейт и кивнул, пока один из его помощников бросился за подносом из нержавеющей стали. Алан осторожно опустил на него легкие.

– Кейт, спасибо, что приехала. – сказал он, и его голос эхом отразился от высокого потолка. – Чистый костюм висит за дверью, и не забудь бахилы.

Кейт быстро натянула голубой медицинский костюм и вернулась, встав в нескольких шагах от тела. В помещении было настолько холодно, что она сложила руки на груди. Со своего места она могла разглядеть остальные органы девушки, аккуратно упакованные в раскрытом туловище. Кейт не понимала, какое отношение труп девушки имеет к ней. Она уже очень давно не присутствовала на вскрытии и надеялась, что ее желудок все еще в состоянии это выдержать. Алан, возвышающийся над своими ассистентами, ввел Кейт в курс дела, объяснив, где и когда они нашли тело.

– Несмотря на отсутствие лица, по которому ее можно было бы опознать, мы нашли у нее на теле кучу разных биологических материалов. Тут и сперма, и слюна и три разных типа волос: лобковые волосы во влагалище, ресница в одном из укусов на ноге...

– Укусов? – спросила Кейт.

– Да. Шесть, – сказал Алан, подняв на нее глаза.

Один из его помощников осторожно вытащил сердце и бережно понес его на весы.

– Лиам! Не гуляй по комнате с органом в руках! Самира, дай ему посудину...

Лиам застыл на месте, держа сердце в руках, пока Самира не принесла ему небольшую стальную миску. Кейт не обратила внимания на эту сцену и подошла поближе к телу, чувствуя запах разлагающейся плоти. На соседнем столике лежала хирургическая пила с присохшими следами крови. Вскрытия всегда проводились в атмосфере невозмутимого спокойствия. «Обходительно разорвать на куски» – как Кейт однажды услышала от кого-то.

– Ее задушили?

– Да, – ответил Алан. – Вот тут следы от веревки на шее и на горле и красные точки, похожие на сыпь, – говорил он, указывая пальцем. – Это указывает на то, что уровень кислорода в крови сначала резко упал, а затем так же резко поднялся. Ее душили, а за мгновение до смерти ослабили веревку.

– А расположение тела? Наклон на левую сторону, голова на вытянутой руке?

– Да.

– Тело нашли в парке?

– В вересковой пустоши. Дартмурский национальный парк, но вообще да, на природе.

– Ее опознали?

– Еще нет. Судя по зубам, ей всего около двадцати, – Алан подошел к каталке и взял оттуда пакет для улики, в котором лежали обрывки пластикового мешка и веревка с узлом. Он передал пакет Кейт. – А вот это было у нее на шее.

Второй раз за день осколок прошлого внезапно врезался в ее настоящее. По телу Кейт пробежали мурашки, когда она пощупала маленький тугий узелок сквозь толстый пакет. Она посмотрела на Алана.

– Черт возьми... Обезьяний кулак? – произнесла Кейт и снова перевела взгляд на тело, которое распухло и разложилось так сильно, что уже сложно было сказать, как девушка выглядела при жизни. – Что сказали в полиции?

– О том, что ты присутствуешь на вскрытии? Они не в курсе, – сказал Алан.

Кейт посмотрела на него, вздернув бровь.

– Я не это имею в виду.

– Этим делом занимается один из старших инспекторов, молодая женщина. Мне кажется, она еще в Барби играла, когда Питер Конуэй совершал свои преступления. Я еще ничего ей не сказал. Хотел, чтобы ты взглянула, перед тем как связывать это убийство с громким делом.

Кейт еще раз посмотрела на узел.

– У меня сомнений нет. Посмотри на это все. Это Каннибал из Девяти Вязов.

– Питер Конуэй не сбежал, если тебя это беспокоит. Он по-прежнему прекрасно проводит время в своей камере по решению Ее Величества.

– Я знаю. Если он сбежит, мне сообщат первой. Они примут меры, чтобы обеспечить безопасность мне и моему сыну, – Кейт заметила, как в глазах Алана мелькнула жалость. Они никогда не обсуждали то, что с ней случилось, но он, понятное дело, все знал. – Кто бы это ни был, похоже на подражателя. Я не тороплюсь с выводами, но это не простое совпадение.

– Согласен, – сказал Алан.

– Время смерти известно? Когда она умерла? – спросила Кейт, переключив внимание обратно на тело.

– Ее тело находилось на открытом пространстве, дождь, ветер, всякие ползучие твари. Тело распухло, личинки в тканях за левым ухом и на плече. Я б сказал, она умерла пять-шесть дней назад.

– То есть вторник или среда. Конуэй похищал своих жертв по четвергам или пятницам. У него были все выходные, чтобы поиздеваться над ними, убить и избавиться от тела в понедельник или вторник, – сказала Кейт и посмотрела на Алана. – Вы сделали отпечаток зубов по укусам?

– Нет, кожный покров слишком сильно разложился.

– А что по поводу лица? Ты знаешь, как оно было удалено?

Алан вытащил из кармана медицинского халата пакетик с длинным зубом внутри.

– Левый верхний клык, – сказал он, держа пакет в руках. Зуб был белый и гладкий.

– Собака?

Алан кивнул.

– Доберман или немецкая овчарка. Для такого собаку надо было здорово растравить. Страшно подумать, что с ней делали. Этот зуб застрял в верхней челюсти, справа, но я не верю,

что собака одна могла содрать лицо. Мы также обнаружили следы от порезов зазубренным лезвием.

– Как если бы собака напала, а потом, то, что осталось, срезали ножом?

– Да, – сказал Алан.

– Тебе попадались еще какие-нибудь убийства, похожие на работу Конуэя?

– Нет.

– Можешь проверить?

– Кейт, я хотел узнать твое профессиональное мнение по этому телу, и я тебе очень благодарен...

– Алан, у тебя есть доступ к полицейским базам данных. Если кто-то копирует убийства, совершенные Питером Конуэем, то это его *вторая* жертва. Вторая жертва Конуэя, Доун Брокхерст, была найдена у реки. Лисы разорвали мешок у нее на голове и съели часть лица. Первой жертвой была Шелли Норрис, и ее нашли на автомобильной свалке в районе Девяти Вязов...

Алан поднял руки.

– Да, я в курсе... Мое дело – предоставить факты, установить причину смерти.

– Ты можешь хотя бы посмотреть? Или направить полицию в ту сторону?

Алан устало кивнул. Его помощники уже осторожно закрывали грудную клетку, чтобы зашить длинный разрез в форме буквы «у».

Кейт опустила взгляд и заметила, что все еще держит в руках пакет с веревкой и обезьяньим кулаком на конце. Руки у нее задрожали, и она сунула пакет Алану, чувствуя, что если еще хоть сколько-нибудь продержит его в руках, то он заразит ее и снова утянет в бурлящий ад старого дела Каннибала из Девяти Вязов.

6

Кейт не помнила, как попрощалась с Аланом и ушла из морга. Она пришла в себя, уже когда вышла из сырого туннеля и двинулась на парковку. Она шагала на автомате, кровь неслась по венам и стучала так сильно, что было больно. Все казалось каким-то размытым и приглушенным: шум загруженной улицы, которую она переходила, легкая дымка, которая уже начала собираться в тусклом желтом свете фонарей. Страх, который она испытывала, было сложно объяснить. Это не был какой-то конкретный образ или мысль, но это чувство поглотило ее. *«Теперь этот ужас dokonает меня, на этот раз окончательно»*, – думала она. По шее и спине у нее струился пот, но от холодного воздуха она вся задрожала.

В следующий момент она уже стояла в винном магазине через дорогу от морга. Глянув вниз, Кейт увидела, что держит в руках бутылку «Джека Дэниелса».

Она выронила бутылку, и та разбилась, залив содержимым старый линолеум и ее ботинки. За стойкой сидел маленький индус, смотревший на ноутбуке фильм. Он услышал, как разбилась бутылка, и поднял глаза. Вытащив из ушей наушники, он взял в руки большой рулон голубых салфеток.

– Ты платишь, – сказал он.

– Конечно, позвольте вам помочь, – сказала Кейт, опускаясь на колени и поднимая с пола осколок стекла. Он блестел, покрытый коричневатой жидкостью. Она была так близко, что Кейт даже чувствовала запах.

– Не трогай ничего, – сказал продавец. Он посмотрел на нее с отвращением: еще одна пьяница. Кейт тут же опомнилась.

Порывшись в сумке, она извлекла оттуда двадцатифунтовую купюру. Мужчина взял ее, и Кейт пошла к выходу, стараясь не наступать на осколки бутылки.

Не оглядываясь, она поспешила через дорогу и чуть не угодила под фургон. Добравшись до машины, она забралась внутрь и заблокировала все двери. У нее тряслись руки, и она чувствовала запах виски, пролитого на штаны и ботинки. Какая-то часть ее хотела впитаться в ткань и высосать его. Сделав глубокий вдох, Кейт открыла окно, ощущая, как холодный воздух наполняет машину и уносит запах алкоголя. Она достала мобильник и написала сообщение Майре, своему куратору из общества анонимных алкоголиков: «Ты не спишь? Я чуть не выпила». Она почувствовала облегчение, когда тут же получила ответ: «Тебе повезло, детка. Я не сплю, и у меня есть торт. Поставлю чайник».

Майра жила по соседству с Кейт в маленькой квартирке над серферским магазином, которым сама и владела. Магазин был закрыт на зиму, и парковка перед ним пустовала, если не считать банкомат на стене и двухстороннюю вывеску с резными краями. Она быстро крутилась на ветру, с одной стороны «ХОЛОДНЫЕ НАПИТКИ», с другой – «МОРОЖЕНОЕ». Кейт подошла к боковой двери и постучала. Она посмотрела на светящийся в углу банкомат. Летом им пользовались серферы, а когда сезон заканчивался, Кейт была одной из немногих, кто продолжал его использовать, и то только когда ей лень было отправиться в город.

Майра открыла дверь, держа в руках две кружки с чаем, от которого валил пар.

– Подержи-ка, – сказала она, протягивая кружки Кейт. – Давай спустимся вниз и подышим воздухом.

Она натянула длинное черное пальто и надела резиновые сапоги. Она сутулилась, лицо было покрыто морщинами, но у нее была чистая кожа и копна белых волос, сияющих в свете лампы. Кейт никогда не интересовалась, сколько Майре лет, а та и сама не рассказывала. Она была человеком скрытным, но Кейт предполагала, что ей должно быть около шестидесяти. Скорее всего она родилась до 1965 года, потому что в том году были арестованы Майра Хинди

и Йэн Брэди, известные как Болотные убийцы, после этого никто особо не горел желанием называть дочерей Майра.

Они вышли из дома и прошли через террасу с видом на море, где в темноте в три ряда стояли пустые столики для пикника.

К пляжу вели полуразрушенные бетонные ступеньки, и Кейт осторожно шла следом за Майрой, стараясь не расплескать чай.

Шум ветра и волн становился все сильнее, когда они спускались вниз, к паре стоявших на песке ржавеющих рабочих кресел. Когда женщины опустились в них, кресла скрипнули в унисон. Кейт с удовольствием отхлебнула горячий сладкий чай. Майра достала из кармана пальто корочку с маленькими порционными кусочками торта «Баттенберг».

– Почему тебе захотелось выпить? – спросила она с серьезным выражением лица. Она никогда не осуждала Кейт, но была строгой, и вполне обоснованно. Шесть лет без алкоголя дались Кейт непросто. За чаем с тортом Кейт рассказала ей обо всех трех потрясениях прошедшего дня: о лекции, пришедшем по электронке письме и затем – о вскрытии.

– Я чувствую свою ответственность, Майра. Отец этой девочки, Кейтлин, ему не к кому больше обратиться.

– Но ты ведь не знаешь, действительно ли ее похитил Питер Конуэй. Что, если это просто совпадение?

– И потом эта девушка вечером, господи, она лежала там как отбитый кусок мяса... И эта мысль, что все начинается сначала.

– Что ты хочешь делать?

– Я хочу помочь. Я хочу сделать так, чтобы это больше не повторилось.

– Ты можешь помочь, поделиться тем, что ты знаешь, просто помни, Кейт, что твоя реабилитация не закончится никогда. У тебя есть сын, которому нужна мать. Тебе надо подумать о себе. Нет ничего важнее, чем твоя трезвость. Что случится, если ты окажешься в винном и не уронишь бутылку? Пойдешь на кассу, купишь ее, и все по новой?

Кейт смахнула слезу. Майра потянулась и взяла ее за руку.

– Питер Конуэй за решеткой. Благодаря тебе. Подумай о том, сколько жизней ты спасла, Кейт. Он бы не остановился. Пусть теперь полиция разбирается. Пусть Алан делает свою работу. А насчет этой пропавшей девочки... Что, по-твоему, ты можешь сделать, чтобы ее найти? Как вообще ее родители могут быть уверены, что ее убил Конуэй?

Кейт посмотрела на песок под ногами и зарылась в него носком ботинка. Разговоры с Майрой успокаивали ее. Адреналин уже не зашкаливал, и Кейт почувствовала, что вымоталась. Она глянула на часы. Почти одиннадцать. Она посмотрела на море и на полосу мерцающих в темноте огней Эшдина.

– Мне нужно отдохнуть и снять в конце концов эти джинсы. От них несет выпивкой.

Кейт видела, как пристально Майра на нее смотрит, но она не хотела давать обещаний, что оставит все как есть.

– Я с тобой схожу, помогу тебе засунуть их в стиральную машину, – сказала Майра. Кейт хотела было возразить, но кивнула. Она творила всякие безумные вещи, когда пила, а застоявшийся запах алкоголя уже спровоцировал ее однажды. – А завтра утром мы пойдем на собрание, – добавила она решительно.

– Да, – сказала Кейт. – И спасибо тебе.

7

Питер Конуэй шел по коридору психиатрической лечебницы Баруэлла в сопровождении двух санитаров, Уинстона и Террелла.

Долгие годы заключения и ограниченной физической активности подарили ему выпирающий живот и тощие слабые ноги, торчащие из-под слишком короткого банного халата. Руки закованы в наручники за спиной, а на голове – закрывающий лицо капюшон, похожий на тонкую металлическую кольчугу. Толстый прямоугольник из укрепленного пластика на передней стороне то подлетал вверх, то втягивался обратно при каждом его вдохе и выдохе. Его пепельные волосы, влажные после душа, торчали из-под капюшона и свисали на плечи.

Со времени последнего эпизода прошел уже год. Тогда во время групповой терапии он укусил другого заключенного, Ларри, страдающего маниакально-депрессивным психозом. Причиной их разногласий была Кейт Маршалл. По отношению к ней Питер испытывал множество разных чувств и эмоций: ярость, ненависть, похоть и утрату. Перед тем сеансом групповой терапии Ларри нашел в газете небольшую заметку о Кейт. Ничего особенного или выдающегося, но Ларри начал насмехаться над Питером. Он первый начал, и Питер быстро прервал его, откусив кончик его толстого маленького носа. Он не дал согласия на промывание желудка, чтобы достать кусочек носа, и теперь должен был носить наручники и специальный капюшон, когда находился вне своей камеры, или «комнаты», как любили называть их продвинутые врачи.

До этого было еще несколько эпизодов, тогда Питер укусил санитаров, врача, двоих пациентов, на нем испробовали все средства защиты, в том числе хоккейную маску а-ля Ганнибал Лектер. Кусать ради удовольствия и для самозащиты значило для Питера не одно и то же. Женская плоть – нежная, благоухающая, ей нужно наслаждаться, как изысканным вином. Мужская же – вонючая и с волосами, поэтому мужчин Питер кусал только для самозащиты.

Адвокаты Питера успешно добились отмены использования этих средств, ссылаясь на закон о правах человека. Капюшон, который в основном использовался при задержаниях, чтобы защитить полицейских от контакта с биологическими жидкостями, оказался для Питера единственным решением, удовлетворившим и клинику, и суд, и адвокатов.

Камера Питера находилась в конце длинного коридора. Двери из толстого металла с небольшими окошками можно было открыть только снаружи. Из-за дверей в коридор доносились ругань, стук и, время от времени, оглушительные вопли, но для Питера и двоих санитаров эти звуки во время рутинной утренней прогулки в душ и обратно были не более чем фоном, как чириканье птиц в поле. Уинстон и Террелл были оба внушительные, здоровые детины, под два метра ростом, сложенные – как сказала бы мать Питера, – как кирпичный сортир. Несмотря на то, что со стороны это выглядело просто как прогулочка из ванной, на обоих санитарях были прочные кожаные ремни с пристегнутыми к ним шипованными дубинками.

Особо опасных заключенных держали отдельно друг от друга, в одиночных камерах, вне которых они практически никак не контактировали. Коридоры лечебницы были утыканы камерами видеонаблюдения: с одной стороны, в целях безопасности, с другой – для организации порядка передвижений в течение дня. Питер знал, что через несколько минут должен быть в камере, чтобы освободить дорогу в душ другому заключенному.

Последние шесть лет Питер провел в одной и той же камере. Когда они подошли к двери, Питер под присмотром Террелла встал у стены напротив, пока Уинстон открывал замок. Когда дверь была открыта, Террелл развязал ремни на задней стороне капюшона, и Питер вошел в камеру. Дверь закрылась, лязгнул замок.

– Сейчас я открою окошко, Питер. Мне нужно, чтобы ты просунул сюда руки, – сказал Уинстон.

Когда окошко открылось, Питер почувствовал сквозняк и высунул руки. Освобожденный от наручников, он убрал руки от окошка. Он ослабил капюшон, стянул его с головы и протянул санитарам.

– Спасибо, Питер, – сказал Уинстон, и окошко закрылось.

Питер сбросил халат и надел джинсы, синюю льняную рубашку и свитер. За шесть лет небольшим предметам роскоши было позволено пробраться к нему в камеру. У него было цифровое радио и стопка книг, на маленькой прикроватной тумбочке – несмотря на то, что много маленьких библиотек по всей Великобритании закрылось из-за сокращения финансирования, лечебница Баруэлла это не коснулось. Единственным, что его огорчало в той истории с нападением на Ларри, было то, что у него отобрали чайник. Заслужить эту привилегию было очень сложно, и ему не доставало возможности приготовить собственную чашку чая или кофе.

Стремление выйти на свободу никогда не покидало Питера. Последнее, что он прочитал, была книга о теории хаоса, которая захватила его, как и идея «эффекта бабочки». От свободы его отделяла куча дверей и колючая проволока, но он знал, что скоро взмах крылышек запустит цепь событий и подарит ему возможность выбраться.

Из коридора послышался скрип подошв и глухой грохот тележки. Питер давно уяснил, что в лечебнице все время было разбито на пятиминутные блоки. Однажды, когда он был на приеме у доктора, с одним из пациентов произошел какой-то инцидент, и обратно в камеру Питера уже вели каким-то замысловатым путем через незнакомые коридоры. Тогда через открытую дверь он успел заглянуть в комнату охраны, битком набитую мониторами камер видеонаблюдения, на которых был виден каждый проход и каждый коридор Баруэллской лечебницы. Несмотря на то, сколько времени Питер здесь провел, полного плана здания он не знал.

В его камеру постучали, окошко на двери открылось. Сквозь него просунулся длинный, практически до смешного длинный, нос и красные влажные губы, по кругу обсыпанные прыщами.

– Питер? – раздался похожий на кваканье голос. – Я тебе почту принес.

– Доброе утро, Нэд, – сказал Питер и подошел к окошку.

Нэд Дьюкс был в лечебнице долгожителем. Он провел здесь последние сорок лет за то, что изнасиловал и держал взаперти четырнадцать мальчиков. Он был мелкий и сморщенный, его длинный нос и крупный, усыпанный прыщами рот располагались в центре широкого, круглого лица. Незрячие, затянутые пеленой глаза вращались из стороны в сторону, а руки шарили по тележке, уставленной письмами и пакетами. Неда сопровождала женщина постарше, санитарка, мрачно поджавшая тонкие губы.

– На полке ниже, – сказала она нетерпеливо.

Нэд был не самым расторопным почтальоном, но он начал разносить письма еще до того, как потерял зрение, и невероятно нервничал и расстраивался, если ритуал доставки почты нарушался. Когда в последний раз его попытались отстранить от этого занятия, в знак протеста он вылил кипяток себе на гениталии. Он лишился привилегии пить горячие напитки, но сохранил свою неофициальную должность почтальона. Шумно дыша носом, Нэд потянулся вниз, задел аккуратно сложенные стопки писем, развалив одну.

– В самом низу! Вот! – огрызнулась женщина, схватив его за запястье и положив его руку на стопку писем для Питера. Нэд взял их и протянул через окошечко.

– Спасибо, Нэд.

– Пока-пока, – сказал Нэд и ухмыльнулся, обнажив жутковатые поломанные коричневые зубы.

– Пока-пока... Пока, – пробормотал Питер, когда окошко захлопнулось.

Он вернулся на кровать и просмотрел письма. Они все, как обычно, были уже вскрыты сотрудниками лечебницы, проверены и неаккуратно засунуты обратно в конверты.

Пришло письмо от Сестры Ассумпты, монашки, которая уже несколько лет писала Питеру письма из монастыря в Шотландии. Она интересовалась, понравился ли ему халат, который она прислала, и спрашивала размер его ноги, потому что нашла на «Амазоне» тапочки в комплект. В конце письма она говорила, что помолится за его душу. Все остальные письма не вызвали в Питере никакого интереса: писатель просил его комментария для своей книги о реальных преступлениях, в двух других письмах мужчина и женщина писали о том, что они влюблены в него, и еще каким-то образом его имя попало в список подписчиков «Ридерз дайджест».

Кейт он написал лишь однажды. Длинное письмо, в минуту слабости, во время ожидания приговора. Питер узнал, что она ждет от него ребенка, и просил ее оставить его. А еще он просил разрешения присутствовать в его жизни.

Кейт не ответила. Вся информация он узнавал от своей матери Энид и из газет. Больше он ей не писал. То, что она проигнорировала его искреннее и, как ему казалось, написанное от всего сердца письмо, казалось Питеру большим предательством, чем его разоблачение. Согласно судебному запрету Питер и Энид не могли контактировать с Джейком и не должны были знать, где он живет. Энид, конечно, была знакома с разными людьми и узнала адрес Джейка, но не потому, что испытывала к мальчику какой-то интерес, а только лишь для того, чтобы продемонстрировать свое превосходство над органами власти.

Через два года Джейку исполнится шестнадцать, и судебный запрет перестанет действовать. Питер знал, что Кейт всегда будет против него, но каким же удовольствием будет однажды встретиться с сыном и настроить его против матери.

Питер подошел к двери и прислушался. В коридоре было тихо. Он подошел к батарее в углу, приваренной к стене. К батарее был прикреплен большой пластмассовый регулятор температуры, и, когда Питер пару недель назад повернул его, литая пластмассовая панель надломилась и выпала из гнезда. Заменить тайник было настоящим подарком. Камеры каждый день тщательно обыскивали.

Питер осторожно повернул регулятор влево, покачал туда-сюда, и панель отошла. Он взял свои очки для чтения и пошарил в гнезде концом дужки. Он перевернул регулятор, и из глубины выпала маленькая капсула. Это была растворимая оболочка от огромной капсулы с витамином С. Он разъединил половинки и ногтем выковырял маленький тугой рулончик очень тонкой бумаги. Соединив обратно половинки капсулы, он положил ее на стопку книг. Питер улегся на кровать и прижался к стене, так, чтобы его не было видно через окошко в двери. Он осторожно развернул записку. Бумага тонкая, белая, немного восковая на ощупь, на такой обычно печатают кассовые чеки.

Узкая полоска была заполнена ровными черными строчками:

Когда я в прошлый раз написал вам, что убил девчонку в вашу честь, вы, наверное, приняли меня за одного из тех унылых, одиноких выдумщиков, которые вам пишут.

Я пишу снова, чтобы сказать, что я это не придумал. Это правда.

Я похитил и убил вторую. Ее звали Кейша Смит, я оставил ее тело у реки у Охотничьих Ворот в Дартмуре.

Очень скоро об этом напишут в газетах.

Я иду по вашим стопам и надеюсь стать достойным вас. Оставайтесь на связи. Вы не пожалеете. Я планирую продолжать ваше дело, но я также хочу сделать вас счастливым. Я помогу вам свести старые счета и в конце концов освобожу вас.

Фанат

За последние несколько дней Питер перечитал это письмо несколько раз. Его мать заверила его, что этот Фанат настоящий, она с ним встречалась. Питера раздражало, что люди за стенами лечебницы могли в мгновение ока передавать друг другу сообщения, а он был вынужден рассчитывать только на письма и мучительно долго ожидать ответа.

Он включил свое радио и, начав переключать станции, попал как раз на восьмичасовой выпуск новостей на ВВС «Радио Девон». Он каждое утро переключался между местными радиостанциями и «Радио-4» в надежде услышать какое-нибудь подтверждение тому, что написал его «фанат». Он прослушал весь выпуск новостей, но там ничего не было.

Питер выключил радио и начал туго сворачивать письмо обратно в рулон, когда услышал тележку в коридоре. Он не нашел капсулу на стопке книг и за несколько секунд чуть с ума не сошел, пока не обнаружил, что она упала под кровать. Оболочка почти растворилась, когда он влажными от пота пальцами заталкивал бумажку внутрь. Он едва успел вернуть ручку регулятора на место, прежде чем распахнулось окошко.

– Кофе, – выкрикнула женщина, развозившая напитки и еду.

Питер подошел к двери и увидел в окошке огненно-красный пластмассовый стакан-непроливайку. Ему был разрешен один горячий напиток каждое утро, выдаваемый, в целях безопасности, в непроливаемом стакане. Хотя Питеру казалось, что этим его скорее хотят унижить, нежели обезопасить.

– С молоком и без сахара? – спросил он.

– Ммм, да...

– Как-то вы не очень уверены.

– Тебе нельзя открывать стакан, – резко сказала женщина. – Или пей, или мне придется его забрать.

Питер взял стакан.

– Спасибо, – сказал он, пробормотав себе под нос. – *Сюка*.

– Что ты сейчас сказал?

– Я говорю, печенки не найдется? – улыбнулся Питер, обнажив ряд коричневых зубов.

С написанным на угловатом лице отворачиванием женщина покачала головой.

– Я вернусь через час. Стакан вернешь...

– Пустой, перевернутый, со снятой крышкой... Да, я знаю, – сказал Питер.

Она резко захлопнула дверцу окошка. Он наклонил стакан и отхлебнул. Кофе с молоком, холодный и сладкий.

Он подошел к столу, достал листок бумаги и с помощью линейки аккуратно оторвал от него узкую полоску. Затем он сел писать ответ своему Фанату.

8

На следующее утро Кейт пошла с Майрой на собрание анонимных алкоголиков. Они всегда собирались в это время в церкви рядом с Эшдином. Кейт рассказала, как чуть не сорвалась, и, как обычно, получила заряд сил от людей, пришедших на собрание и рассказывающих о своем возвращении к трезвой жизни. Когда Кейт и Майра попрощались и разошлись на выходе из церкви, Кейт обрадовалась, что та не стала допытываться, что она собирается делать дальше.

Когда Кейт пришла в университет, Тристан уже работал за своим столом.

– Доброе утро, – сказал он. – Алан Хэксам ответил. Он прочитает лекцию на той неделе. Он еще спрашивал, как вы. Беспокоится, что вчерашнее вскрытие вас расстроило.

– Спасибо, я ему перезвоню, – сказала Кейт, усаживаясь за стол и включая компьютер.

Краем глаза она посмотрела на Тристана, который явно хотел узнать больше. Зачем Алан так открыто об этом упомянул? Он же не мог быть уверен, что Кейт все рассказывает своему помощнику. Она открыла почту и увидела ответ от Малкольма Мюррея, в котором он просил о встрече.

Кейт посмотрела на Тристана. Он занимался заданием для студентов к следующей лекции по одному зашедшему в тупик делу: перебирал полицейские документы и отчеты, собирал информацию, с которой студентам нужно будет ознакомиться. Кейт приняла решение.

– Ты не хочешь кофе? – спросила она.

– Да, конечно. Вам какой? – ответил Тристан, отодвигаясь от стола.

– Нет, я имела в виду, что мы вместе сходим и выпьем кофе. Мне нужно поговорить с тобой кое о чем.

– Ладно, – сказал он, нахмутив густые темные брови. – Я что-то не так сделал?

– О, господи, нет. Пошли, мне до зарезу нужно немного кофеина, там и поговорим.

Они спустились вниз, в новенький глянцевоый «Старбакс», открывшийся на первом этаже их корпуса. Там было тепло и уютно, и когда они взяли кофе, им удалось занять место у окна с видом на побережье. Кейт обвела взглядом столики, за которыми студенты работали на своих новеньких блестящих ноутбуках, поглощали маффины и латте за три фунта, и вспомнила свои нищие студенческие годы: ужасно холодную студию и скромную чечевично-фруктовую диету. Сейчас латте и маффин в «Старбаксе» стоили больше, чем она тогда тратила на продукты за неделю.

– Большинство этих ребят, должно быть, детки богатых родителей, – сказал Тристан, точно прочитав мысли Кейт. – Видите того парня? – спросил он, показывая на симпатичного брюнета, развалившегося в одном из кресел и разговаривающего по телефону. – У него адида-совские штаны из ограниченной коллекции «Лужники», их к чемпионату мира выпустили.

Кейт посмотрела на спортивное трико в красно-белую полоску.

– Серьезно? А выглядят как обычные штаны.

– Выпустили всего несколько тысяч пар, там вставки из кожи бизона и замши. Он за них не много сдачи получил с пятисот фунтов... Простите, о чем вы хотели поговорить?

– Не волнуйся, – сказала Кейт, улыбнувшись. Чем дольше она знала Тристана, тем больше он ей нравился. Она рассказала ему про письмо Малкольма Мюррея и о своей встрече с Аланом Хэксамом прошлым вечером. Она умолчала только о том, как едва не съехала с катушек. Показала Тристану письмо.

– Вы думаете, тут есть связь? Между убитой девушкой и этим письмом по поводу Кейтлин?

– Нет. Конечно, эта девушка умерла страшной смертью и все это очень похоже на работу Питера Конуэя, но он за решеткой, а этим делом занимается полиция. Я хочу, чтобы ты помог мне разобраться с исчезновением Кейтлин.

– Как? – спросил Тристан, глядя на письмо.

– Ты же готовил всякие материалы для моих лекций по нераскрытым преступлениям. Работал с материалами по громким делам. Я хочу, чтобы ты поехал со мной на встречу с Малкольмом и его женой, чтобы у меня было еще одно независимое мнение. Это дело ведь для меня очень личное, и я бы с удовольствием послушала, что ты думаешь об этом.

Тристан выглядел изумленным и взволнованным.

– Конечно. Мне очень понравилось работать со всеми этими заглохшими делами и все такое, читать там всякие старые полицейские отчеты. Это все так интересно.

– У тебя на завтра много работы? – спросила Кейт. Лекций по средам не было, но этот день обычно использовался для подготовки к занятиям и бумажной работы.

– Да я могу раскидать дела, сегодня подольше посидеть. Вы завтра хотите поехать?

– Да. Нам нужно будет выехать рано утром, и это, разумеется, зачтется как рабочий день, расходы я оплачу.

– Звучит здорово, – сказал Тристан, допивая кофе. Он снова посмотрел на письмо и на фотографию Кейтлин, которую Кейт нашла онлайн. – Для вас это, наверное, как незаконченное дело. Вы ведь вели дело Питера Конуэя, а теперь оказывается, что могут быть еще жертвы.

– Этого мы еще не знаем. Тела нет и, к сожалению, дело Питера Конуэя для меня всегда будет незаконченным.

Тристан кивнул.

– Каким он был? Питер. Я знаю, какой он сейчас, но тогда он ведь, наверное, казался нормальным? За все годы его никто ни разу не заподозрил.

– Он был моим начальником, и, хотя у нас и была интрижка, мы с ним общались не так чтобы по-дружески. Он производил впечатление приличного парня, пользующегося успехом у своих подчиненных. После долгого напряженного дня он всегда проставлялся. У нас работала женщина-детектив, и от нее ушел муж. Питер пошел ей навстречу и разрешил совмещать ее работу с заботой о сыне, из школы там его забирать, все такое, а в девяносто пятом если у женщины-полицейского появлялся ребенок или вообще какие-то связанные с детьми заботы, то ее отправляли в контору, бумажки перебирать, причем быстрее, чем она успевала даже заикнуться о равноправии.

– Вы думаете, где-то внутри него все же прятался нормальный человек?

– Да, как и во многих серийных убийцах, две стороны их личности находятся в постоянном конфликте. Добро и зло.

– И частенько зло побеждает.

– Я предпочитаю надеяться, что счет у них равный... – ее голос оборвался. Она уже не была в этом уверена.

Тристан снова кивнул.

– Спасибо. Обещаю, я больше не буду надоедать вам вопросами о нем... Это так классно, что я смогу увидеть вас снова в роли полицейского и как вы расследуете преступление.

– Придержи коней. Я просто хочу съездить к Малкольму и его жене, не более. Я им ничего не обещаю.

9

На следующий день Кейт и Тристан выехали рано утром и за два часа добрались до Чью Магна, маленькой деревушки милях в десяти от Бристоля.

Коттедж Малкольма и Шейлы располагался на окраине деревни, в конце короткой тропинки, которую развезло от дождя. Они припарковались рядом с воротами, и, чтобы не угодить в большую грязную лужу, Тристану пришлось выпрыгнуть с пассажирского сиденья прямо на поросшую травой обочину.

Причудливый коттедж оказался совсем не таким, каким его представляла Кейт. Она ожидала увидеть маленькую обшарпанную террасу в викторианском стиле или субсидируемую государством квартиру, что-нибудь похожее на дома других жертв.

По стене выбеленного коттеджа тянулась толстая плеть глицинии, вверх по водостоку и до самого карниза. Ветви были голые, только несколько желтоватых листьев танцевали на ветру. Они направились к входной двери, трава на лужайке перед домом была высотой по колено, а сквозь трещины в цементе проросли длинные сорняки.

Дверь открыл Малкольм. Он был полноват, невысокого роста, с покатыми плечами. Волосы у него на голове были очень тонкие, просто как детский пушок, приставший к испещренной венами голове. На нем были голубые джинсы со стрелками и джемпер с узором из красно-синих ромбов.

– Здравствуйтесь-здравствуйтесь, очень рад вас видеть, – хрипло сказал хозяин, улыбаясь и пожимая им руки. Кейт заметила темные пятна на тыльной стороне обеих рук и предположила, что ему, должно быть, лет под девяносто.

– Мы добрались быстрее, чем рассчитывали. Надеюсь, мы не слишком рано? – спросила Кейт. Было только начало десятого.

– До обеда мы еще вполне ничего. Чем раньше, тем лучше, а то потом мы уже будем немножко «куку», – улыбнулся Малкольм.

Он отступил назад, пропуская их в дом. На полу тускло освещенного коридора с низким потолком лежал толстый бледно-лиловый ковер. Едва ощутимо пахло дезинфицирующими средствами и полиролью для мебели. Кейт разулась и повесила пальто. Малкольм наблюдал за Тристаном, пока тот развязывал шнурки на кроссовках и, осторожно сняв их, остался в безукоризненно белых спортивных носках.

– Боже, шикарные какие, – сказал Малкольм, дрожащей рукой поправив очки с толстыми стеклами.

– Спасибо, – ответил Тристан, поднимая кроссовки вверх. – Винтажные «Данлоп Гринфлэш».

– Нет, я имею в виду носки. Такие белые! Шейла никогда не разрешала мне надевать такие белые носки. На них, наверное, грязь очень видно.

Тристан рассмеялся.

– Да, немного, но все равно у нас дома я отвечаю за стирку, – сказал он, вешая пальто.

– Вы женаты?

– Нет. Я живу с сестрой. Она – повар. А я – посудомойка и носочная прачка.

Кейт улыбнулась. Этого о Тристане она не знала и сделала мысленную заметку распросить его.

– Малкольм! Сквозит! Закрой дверь! – раздался из гостиной пронзительный женский голос. – И найди им какие-нибудь тапочки.

– Да. Мы не можем позволить вам заболеть, – сказал Малкольм, разворачиваясь и закрывая дверь. – Так, где же эти тапочки?

Кейт и Малкольм сказали, что обойдутся без них, но Малкольм настаивал, шаря в громадном сундуке под вешалкой для пальто, пока не нашел для них по паре пожелтевших отелных тапочек с надписью «Наслаждайся весельем, наслаждайся солнцем, наслаждайся Шератоном!». Он уронил тапочки прямо им под ноги.

– Ну вот. Мы ездили на Мадейру по случаю нового тысячелетия. Это был наш последний отпуск, перед тем как у Шейлы появилась боязнь высоты... Тогда... а, не важно. Запрыгивайте, вам в них будет уютно, и белые носки не запачкаются.

Когда Малкольм отвернулся, Тристан скорчил Кейт рожу. Малюсенькие тапочки, налезшие только на пальцы его большой ноги, выглядели нелепо. Они прошли по темному коридору, мимо больших громко тикающих напольных часов, прямо в гостиную, где было намного светлее. В комнате все было вверх дном: два кресла рядом с которыми гнездились столики, были придвинуты к окну, обеденный стол и стулья были составлены в другом конце комнаты, у окна, выходящего в заросший сад за домом. Когда Кейт увидела Шейлу, она поняла – почему. Центр комнаты освободили для большого кресла с высокой спинкой, в котором сидела Шейла, укрытая подоткнутым по бокам ворсистым голубым пледом. У нее были длинные седые волосы, собранные в хвост, из которого выбились пряди, и темно-желтая кожа. Рядом жужжал и гудел, мигая лампочками, аппарат для диализа, а с другой стороны стоял высокий столик, заставленный пузырьками и упаковками с лекарствами, и желтый контейнер для утилизации игл и перевязочных материалов. На ковре, в местах, где раньше стояла мебель, виднелись прямоугольные следы от ножек.

– Малкольм! Ты бы их предупредил. Ты посмотри на этого бедолагу, – сказала Шейла, увидев слегка побледневшего Тристана.

Толстые трубки, по которым бежала кровь, тянулись из-под одеяла к аппарату, из которого потом кровь поступала обратно.

– Здравствуйте, я Шейла, – сказала она. Кейт и Тристан подошли поближе, чтобы пожать руки. – Ну, разве он не красавчик? – сказала Шейла, не выпуская руку Тристана. – Это ваш сын?

– Нет, он мой научный ассистент в университете.

– Интересная, наверное, работа. У тебя есть подружка?

– Да, интересная, а подружки нет, – ответил Тристан, стараясь не смотреть на кровь.

– А парень? Один из моих сиделок, Кевин – гей. Он недавно вернулся из круиза в Диснейленд.

– Нет, у меня никого нет, – сказал Тристан.

Шейла наконец отпустила его руку и указала им на диван. Кейт решила, что к Шейле не так часто кто-то приходит, потому что она говорила без умолку, пока не вернулся Малкольм с чайным подносом. Она объяснила, что находится в списке ожидания на пересадку почки:

– Мне очень повезло, что наши местные власти привозят этот аппарат три раза в неделю.

Кейт оглядела комнату и увидела полку над камином – единственное место, где все осталось на своих местах. Там стояло шесть фотографий Кейтлин, в том числе снимок, где она лежит в колыбели под синим одеялком и смотрит вверх широко раскрытыми глазами. На другой фотографии – совсем молодые Малкольм и Шейла на пляже, стоят на коленках рядом с Кейтлин, которой там лет пять или шесть. Похоже, то был восхитительно солнечный день, все трое улыбаются в камеру, держа в руках мороженое. Еще один снимок был, скорее всего, сделан в фотостудии несколько лет спустя. Это был портрет, на котором они сидят в ряд на синем-белом пятнистом фоне и мечтательно смотрят вдаль. На двух других фотографиях Кейтлин уже подросток, на одной – стоит рядом с высоким подсолнухом, на другой – держит в руках дымчатого кота. Школьного фото, которое напечатали в газете, там не было. От того, как резко обрывалась череда фотографий, становилось не по себе. Кейтлин так и не выросла, чтобы быть снятой на собственной свадьбе или со своим первым ребенком.

* * *

Некоторое время спустя они уже пили по второй чашке чая, а Шейла все рассказывала о медсестрах, которые иногда к ней приходят. Малкольм вгромоздился на обеденный стул, который он притащил и поставил рядом с женой. Наконец, он поднял руку.

– Дорогая, они проделали долгий путь. Нам надо поговорить о Кейтлин, – мягко сказал он.

Шейла замолчала на полуслове, ее лицо исказила гримаса, и она начала плакать.

– Да, да, я знаю... – сказала она. Малкольм нашел для нее салфетку, она промокнула глаза и высморкалась.

– Я знаю, что это будет нелегко, – сказала Кейт. – Могу я задать несколько вопросов?

Они оба кивнули. Кейт достала записную книжку и глазами пробежала по страницам.

– Вы написали, что Кейтлин пропала девятого сентября 1990 года. Какой это был день недели?

– Это было воскресенье, – ответила Шейла. – Она пошла встретиться с подружкой, это было еще когда мы жили в Олтринхэме, рядом с Манчестером. Они собирались перекусить и сходить в кино. Я помню, в чем она была в то утро. Голубое платье с белыми цветами на подоле, белые сандалии и маленькая голубая сумочка. Она всегда выглядела прекрасно. Знала, как одеваться.

– Подруга, с которой она встречалась. Не та, что эмигрировала в Австралию?

– Нет, это была ее одноклассница, лучшая подруга Уэнди Сэмпсон, – сказал Малкольм. – Уэнди рассказала полиции, что в воскресенье они сходили пообедать в итальянское кафе, а потом пошли в кино смотреть «Назад в будущее – 3». Они вышли оттуда в начале четвертого, прошли до конца главной улицы и там разошлись. День был чудесный, солнечный, а Кейт всегда возвращалась из города пешком, если погода была хорошая. Там идти-то было всего двадцать минут...

– Она так и не вернулась, – закончила Шейла. – Какая-то женщина сказала, что видела ее у газетного киоска, который стоял на полпути из города до нашего дома в Олтринхэме. Вроде как Кейтлин остановилась там и купила пачку мятных леденцов.

– Вы помните, как ее зовут?

– Нет.

– Через какое время ее там видели после того, как они попрощались с Уэнди в городе? – спросила Кейт.

– Полчаса или около того, та женщина не знала точного времени, – ответил Малкольм.

– Она как будто испарилась без следа. Я не хотела переезжать, даже через десять лет после ее исчезновения. Я все думала, что она может вернуться и постучать в дверь. Мне невыносимо было думать, что нас там не будет, если это случится, – сказала Шейла. На мгновение все замолчали, было слышно только, как гудит и сигналист диализатор.

– У вас есть какая-нибудь информация о Уэнди? Номер телефона или адрес? – спросила Кейт.

– Она умерла от рака груди два года назад. Она была замужем. Ее муж пригласил нас на похороны, – сказала Шейла.

– Я могу поискать его адрес, – предложил Малкольм.

– Чем Кейтлин любила заниматься вне школы? – спросила Кейт.

– Вечером по вторникам и четвергам она ходила в молодежный клуб, он был прямо за углом нашего дома, – сказал Малкольм. – Еще подрабатывала в видеосалоне в понедельник вечером и весь день в субботу. Салон назывался «Голливудские ночи», а молодежный клуб

– «У Картера». Я не знаю, как он на самом деле назывался, но его смотрителя, никчемного старого козла, звали мистер Картер, так и приклеилось.

– У вас есть его адрес?

– Ой, он давно помер. Ему тогда уже стукнуло семьдесят. – сказала Шейла.

– Кейт занималась в школе каким-нибудь спортом или, может, в клубе каком-нибудь состояла? – спросила Кейт. Шейла потрясла головой и потеряла салфеткой кончик носа. – А что насчет этой подруги из Мельбурна?

– Меган Хибберт, – сказал Малкольм. – Странная история. Мы ездим в Олтринхэм каждый год, на могилу к матери Шейлы. В этом году Шейла не смогла поехать и я поехал сам, а когда я пришел на кладбище, ко мне подошла женщина и спросила, не я ли отец Кейтлин. Мне стало не по себе от того, что посторонний человек упомянул ее имя. Как выяснилось, это была Меган, она приехала в Великобританию после стольких лет, чтобы повидаться с родственниками, и пришла на кладбище почтить память деда. Мы с ней выпили по чашечке кофе. Она узнала о том, что Кейтлин пропала, только через несколько лет, она же там, на другом конце земли, тогда была отрезана от местных новостей. Она упомянула, что Кейтлин говорила, что встречается с полицейским. Я был огорошен этим, потому что, мы... Скажем так, мы думали, что знаем о ней все.

– Меган хоть раз видела ее с этим полицейским?

– Она говорит, как-то раз, когда они вечером в клубе играли в настольный теннис, Кейтлин сказала, что ей надо в туалет, и вышла. Ее долго не было, Меган пошла ее искать и увидела Кейтлин на улице. Она стояла у машины, припаркованной перед входом, и через окно разговаривала с мужчиной...

– Кейт и Тристан заметили, как на эти слова отреагировала Шейла – ее лицо перекошило, она снова принялась вытирать глаза промокшей скомканной салфеткой.

– Ну-ну, милая, все хорошо, – сказал Малкольм и подал ей свежую салфетку.

– Как выглядел тот мужчина?

– Меган сказала, что не особо разглядела его, потому что было темно. Он был очень симпатичный, лет двадцать с чем-то. Темные волосы гладко зачесаны назад, ровные белые зубы. Машина была новая – темно-синий «Ровер», код регистрации – *H*. Она сказала, что Кейтлин смеялась и заигрывала с ним. Он высунул руку из окна и обхватил ее за талию. Потом она села в машину, и они уехали. Кейтлин не назвала Меган его имени, но сказала, что он коп. Кейтлин пропала не в тот день. Меган сказала, что на следующее утро она пришла в школу и была в полном порядке. Счастливая.

– После этого Меган еще видела их вместе?

– Нет.

– Кейтлин ничего не рассказывала?

– Нет, они дружили, но лучшими подругами не были.

– Когда это было?

– Меган сказала, летом, в начале августа. Темнеть тогда начинало в районе девяти вечера. Это был вторник или четверг.

– А полицейское расследование ее исчезновения? Вы помните имена полицейских, которые этим занимались? – спросила Кейт.

– Мы встречались только с двумя. С женщиной и с мужчиной. Женщина была молодая. Констебль Фрэнсис Коэн и ее начальник старший инспектор Кевин Пирсон. Мы не знаем, где они сейчас, – сказал Малкольм.

– Они были с нами очень милы, но им было не за что ухватиться... – сказала Шейла. – К тому моменту, как Кейтлин пропала, Меган с родителями уже уехала. Они эмигрировали в конце августа. Она никому ничего не рассказала, и, похоже, сама Кейтлин ничего не говорила Уэнди об этом полицейском.

– Питер Конуэй служил в полиции Большого Манчестера с начала 1989-го по март 1991-го, после чего переехал в Лондон. Вы не знаете, он не занимался этим делом? – спросила Кейт.

– Мы отправляли запрос по закону о свободе информации пару недель назад, чтобы узнать, работал ли он над этим делом, но ответа пока нет, – сказал Малкольм. – Мы слышали, что он работал в отделе по борьбе с наркотиками, а Полиция Большого Манчестера – организация большая. Он ведь жил всего в нескольких милях от нашего дома в Олтринхэме. Снимал комнату в доме на Эйвондэйл-роуд в Стредфорде. Об этом написано в одной из этих книг о нем. Мы и фотографии его видели тоже, там, где он помоложе. Он и вправду выглядит так, как описала Меган: привлекательный, темные волосы, зачесанные назад, и очень ровные белые зубы. Знаем мы, что он этими зубами делал, – Шейла не выдержала и зарылась лицом в плечо мужа.

– Любовь моя, осторожнее, тут же трубки, – сказал он, поправляя зацепившуюся за его запястье трубку, по которой бежала кровь. Он поднялся, подошел к каминной полке и, взяв оттуда большую папку, протянул ее Кейт. – Здесь все, что мне удалось собрать за эти годы... – Кейт открыла папку и увидела внутри стопку фотографий и бумаг. – Вырезки из газет, фотографии Кейтлин. Там есть подробности о том, где она была в тот день, когда пропала... Мы не думаем, что она еще жива, но, как я сказал, мы просто хотим найти ее и достойно похоронить.

– Я знаю, что это сложный вопрос, но не думаете ли вы, что она могла сбежать? Может быть, она была чем-то расстроена или вы из-за чего-то поссорились?

– Что? Нет! – вскричала Шейла. – Нет, нет, нет, она была счастлива! Конечно, подростковый возраст, но нет! Нет же? Малкольм?

– Мне ничего такого не приходит на ум. В субботу накануне ее исчезновения мы провели отличный вечер. Ели рыбу с жареной картошкой и смотрели «Битву поколений», а потом – фильм про Джеймса Бонда. Все вместе, абсолютная идиллия.

– Прошу прощения, но я должна была спросить, – сказала Кейт. Малкольм кивнул. Шейла успокоилась.

– Мне кажется, Кейт, вы – наша последняя надежда. Вы были единственной, кто смог разглядеть, каков Питер Конуэй на самом деле. Вы его поймали, и вы упрятали его за решетку, – она потянулась к Кейт, и та, поднявшись, подошла ближе и взяла протянутую руку. Рука на ощупь была сухая, как бумага, а кожа отливала яркой желтизной. – Пожалуйста, скажите, что можете нам.

Кейт заглянула в ее глаза, полные боли.

– Я вам помогу, – сказала она.

10

В девяноста милях от Лондона Энид Конуэй на такси приехала в Психиатрическую лечебницу Баруэлла. Она заплатила водителю точную сумму – чаевых она не признавала – и захлопнула дверь с гораздо большей силой, чем можно было ожидать от такой немолодой на вид женщины. Она была невысокая, худая, с маленькими глазами-бусинами, черными как смоль волосами, по форме напоминающими шлем, и угловатым лицом с подчеркнутым ярким макияжем. На ней было пальто в гусиную лапку, а на плече висела розовая сумочка «Шанель». Она на секунду остановилась, чтобы полюбоваться своим отражением в окне такси, пока оно не уехало.

Лечебница располагалась рядом с вереницей симпатичных жилых домов, через дорогу от которых возвышался шестиметровый забор с колючей проволокой. У главных ворот стояла маленькая постройка, где отмечались посетители. Энид подошла к окошку, где за множеством мониторов сидела сурового вида женщина старше ее.

– Доброе утро, Ширли, – сказала Энид. – Как поживаешь?

– Такая погода не на пользу моим суставам, – ответила Ширли, протягивая руку.

– Это все сырость. Тебе бы в тепло... Я пришла к Питеру.

– Мне нужно разрешение на посещение, – сказала Ширли, все еще протягивая руку.

Энид положила сумочку на разделявшую их стойку так, чтобы был виден металлический логотип «Шанель», и начала деланно рыться в сумочке. На Ширли, казалось, это не произвело никакого впечатления.

– Вот он, – сказала Энид, протягивая разрешение.

Ширли проверила документ и просунула пропуск для посетителя через окошко. Энид засунула его в карман пальто.

– Ты знаешь правила. Пропуск должен быть приколот к одежде.

– Это новое пальто от «Джейгер». Ты, наверное, не слышала про «Джейгер», Ширли. Это очень дорогой бренд, – сказала Энид.

– Тогда прицепи пропуск на ремень.

Энид одарила ее гаденькой улыбкой и отошла.

– У кого-то завелись денежки. Но из дерьма конфетку все равно не сделаешь, – пробормотала Ширли, когда Энид направилась к выходу.

Лечебница представляла собой раскиданные на большой территории викторианские постройки из красного кирпича, на фоне которых новое, выдающееся вперед крыло для посетителей выглядело футуристично.

– Новенький? – спросила Энид маленького тощего паренька, который стоял рядом с рамкой сканера, похожей на ту, что бывают в аэропортах. У него косил левый глаз, а копна очень тонких черных волос едва держалась на его непропорционально большой голове.

– Ага. Первый день, – нервно сказал он.

Он наблюдал, как Энид снимает пальто, под которым были элегантные слаксы и накрахмаленная белая блузка. Он протянул ей контейнер, Энид, сняла туфли на высоком каблуке и положила их внутрь вместе с золотым браслетом и сережками. Сумочку «Шанель» и пакет, набитый сладостями, она положила в другой контейнер. Она прошла через рамку, и та запищала.

– Да чтоб тебя... Я же все сняла. Надеюсь, мне не придется снимать слуховой аппарат? – сказала она, наклоня голову, чтобы продемонстрировать левое ухо.

– Нет, все нормально. У вас есть металлическая пластина в черепе или штифты в костях? Простите, мы обязаны спрашивать.

Энид бросила взгляд на свои вещи, которые ползли по ленте в сторону рентгеновского сканера. Сквозь окно в стене ей была видна аппаратная, где за мониторами сидели двое сотрудников.

– Нет. Это, наверное, он на косточку в бюстгальтере сработал, – сказала Энид.

Лента конвейера остановилась, и контейнер, в котором лежала ее сумочка и пакет, пополз обратно в сканер. Оба охранника в аппаратной разглядывали изображение на мониторе, один пальцем показывал на что-то. Энид резко схватила руку паренька и прижала к груди.

– Вот тут! Проверь, пощупай, – сказала она, повысив голос. Парень попытался освободиться. Тогда она потянула его руку вниз и сунула его пальцы себе между ног.

– Мадам! Пожалуйста! – закричал он.

– Чувствуешь? Это я, только и всего, – сказала она, приближая к нему свое лицо.

Она глянула в сторону аппаратной и увидела, что ей удалось привлечь внимание сотрудников. Они оба уставились на нее со смесью изумления и отвращения. Контейнер с сумкой и пакетом прополз через сканер, и она отпустила руку парня. Она еще раз прошла через рамку, и та снова запищала.

– Видишь? Косточка, – сказала Энид.

– Да, хорошо, – дрожащим голосом сказал парень.

Энид взяла пальто и сумку с пакетом и направилась к толстой стеклянной двери, по пути подмигнув охранникам в аппаратной. Через мгновение она проскочила через дверь в маленькую квадратную комнатку с зеркальным стеклом, где висела табличка: ПОСТАВЬТЕ НОГИ НА ШИРИНЕ ПЛЕЧ И ПОСМОТРИТЕ В КАМЕРУ.

На полу был нарисован желтый прямоугольник с потертыми отпечатками ног. Энид встала на прямоугольник и посмотрела в камеру. Раздалось чуть слышное жужжание, когда линза задвигалась, чтобы поймать Энид в фокус. Дверь на противоположной стене, пикнув, приоткрылась. За ней был еще один пропускной пункт, где ее сумку осматривал высокий чернокожий офицер, который ей не нравился. Он заглянул в пакет и достал оттуда упаковки конфет и шоколадки.

– Вы же знаете, я всегда приношу Питеру сладости, – сказала Энид, пока охранник проверял каждый пакетик. Энид опасалась, что он может вскрыть какой-нибудь. – У вас что, рентгеновское зрение? Они же прошли через чертов сканер!

Он посмотрел на нее, кивнул и подождал, пока она сложит все обратно в пакет. Затем он посветил фонариком ей в рот, она подняла язык. Проверил уши и слуховой аппарат. Наконец охранник махнул, разрешая ей пройти.

Питер Конуэй все еще относился к категории самых агрессивных преступников, и с ним обращались как с таковым, но Энид сумела добиться свиданий с сыном в комнате без стеклянной перегородки.

Они встречались дважды в неделю в маленькой комнатке. Их свидания записывались на камеру видеонаблюдения, а сквозь большое смотровое окно за ними постоянно наблюдали санитары. Комната была ярко освещена, а посередине стояли прикрученные к полу стол и два стула. Энид всегда запускали в комнату первой, а затем приводили Питера. Ей необходимо было подписать кучу бумаг, подтверждающих, что она встречается с Питером на свой страх и риск и не обратится в суд, в случае если он нападет на нее.

Она просидела в комнатке минут десять, пока Уинстон и Тэррелл не привели Питера, закованного в наручники и с капюшоном на голове.

– Добрый день, миссис Конуэй, – сказал Уинстон.

Он подвел Питера к стулу напротив Энид, развязал ремни на капюшоне и расстегнул наручники. Питер закатал рукава, не обращая внимания на санитаров, которые отступали в сторону двери: у одного была дубинка, у другого – электрошоковый пистолет. Как только они вышли, раздалось жужжание и звук блокировки двери.

– Все в порядке, милый? – спросила Энид.

Питер потянулся к завязкам и рывком снял с головы капюшон. Он аккуратно сложил его и положил на стол так, будто только что снял свитер.

– Ага.

– Еще один новый охранник, – сказала она, указывая на санитаря, наблюдавшего за ними через стекло. – Они прямо в вакансии что ли указывают, что им нужен *сранный урод*?

Энид знала, что их разговор передается по камерам, и радовалась, что никто и понятия не имеет, что *на самом деле* происходит во время их встреч. Санитар за стеклом никак не отреагировал и продолжал безучастно наблюдать за ними. Они встали, Питер поцеловал Энид в щеку, и они обнялись. Он погладил мать по спине, спускаясь вниз к изгибу ягодиц. Энид прижалась к нему и испустила вздох наслаждения. Они простояли так несколько секунд, пока санитар не постучал по стеклу. Неохотно они выпустили друг друга из объятий и сели обратно.

– Я принесла тебе конфетки, – сказала Энид, подняв с пола пакет и передавая его через стол.

– Прекрасно. Спасибо, мам.

Питер достал из пакета пачку леденцов, три пакетика мармеладок и три упаковки шоколадных эклеров «Кэдбери».

– О, мои *любимые*, ириски с шоколадом.

– Самое то к чашечке чая, – сказала она, понимающе улыбаясь. – Удалось получить чайник назад?

– Нет.

– Ублюдки. Я свяжусь с Терренсом Лейном, чтобы он написал еще одно письмо.

– Мам, они мне его не вернут. Это будет просто еще один чек от адвоката на пятьсот фунтов.

– Это естественное право человека иметь возможность заварить себе чашку чая!

– Ну правда, мам, брось.

Энид откинулась на спинку стула и поджала губы. «*Ну подождите*, – думала она, глядя на охрану за стеклом. – *Вы все и глазом моргнуть не успеете*». Она подняла розовую сумочку «Шанель» и бережно положила ее на стол между ними. Питер присвистнул.

– Господи, мам. Она настоящая?

– Конечно, блин, настоящая!

– Сколько же ты за нее отдала?

– Не бери в голову. Но она такая же настоящая, как и деньги, которые за нее заплатили, – Энид улыбнулась и закусил губу. Она не должна была ничего больше говорить, и она в тысячный раз пожалела о том, что они не могут говорить открыто.

– Ну правда, мам?

Раздался стук по стеклу, и они увидели, как санитар знаком показывает, что сумку надо поставить обратно на пол.

– Какая, хрен, разница, на столе она лежит или на полу? Меня же уже обыскали!

– Мам, мам, пожалуйста, – сказал Питер.

Энид скорчила гримасу и опустила сумку на пол.

– Не удивлюсь, если они вставят мне камеру в зад, чтобы посмотреть, что я ела на завтрак, – сказала она.

– Со мной они это и делают, – ответил Питер.

Энид потянулась и взяла его за руку. Она хотела было что-то сказать, но осеклась.

– Питер, шоколадные ириски. Как вернешься в камеру, открой их, ладно?

Она похлопала Питера по руке, и они переглянулись.

– Конечно, мам, – кивнул он. – Так и сделаю.

11

По дороге из Чью Магна после встречи с Малькольмом и Шейлой Кейт и Тристан остановились в придорожном автосервисе. Было рано, обеденный наплыв посетителей еще не начался, и они, заказав рыбу с жареной картошкой, нашли в зале тихий уголок. Несколько минут они ели молча. Тристан заглатывал еду, а Кейт туда-сюда перекачивала свою на тарелке. При виде жирной масляной рыбы ее начало подташнивать.

– Мне так их обоих жаль, – сказал Тристан. – Они кажутся сломленными.

– Когда ты отошел в туалет, я спросила их про экстрасенса, к которой они обращались и которая сказала им, что Кейтлин нет в живых. Она им зарядила счет на триста фунтов.

Тристан сглотнул и отложил вилку.

– И они ей поверили?

– Она первая дала им хоть какой-то ответ. Я сталкивалась с таким прежде, когда работала над другими делами. Когда пропадает кто-то любимый, это не только опустошает человека, это еще и играет с его разумом. Найденное тело сразу ставит точку. Ты слышал, что Шейла сказала: они не хотели переезжать, вдруг Кейтлин вернется домой, – сказала Кейт.

– Думаете, у вас достаточно информации, чтобы начать?

– Этот мужчина, с которым встречалась Кейтлин. Должна быть причина, почему она держала это в секрете. Может быть, просто потому, что он был старше, но она скрыла все даже от своей лучшей подруги.

– Жалко только, что она уже не может ответить на наши вопросы, – сказал Тристан.

– Ее муж может, – сказала Кейт, глядя на папку, лежащую на краешке стола.

Хотя там и были только бумажки, ей казалось неправильным оставлять папку в машине, зная, какую ценность она представляет для Малкольма и Шейлы. Кейт вытерла руки салфеткой и открыла ее.

Сверху лежало последнее школьное фото Кейтлин, то самое, которое обрезали и напечатали в газете. Девочки расположились в два ряда. Девочки в первом ряду сидели – ноги вместе, руки на коленках. Их сфотографировали на травяной лужайке, а на заднем плане виднелись белые переносные футбольные ворота, где было сложено спортивное снаряжение: беговые барьеры, сетка с футбольными мячами и стопка матов. В классе было двенадцать девочек. Кейт перевернула фотографию. Внизу на обороте была наклейка с именами всех учениц, учителя и фотографа.

– Я хочу начать с поиска ее одноклассниц. Ты есть на «Фейсбуке»?

– Конечно! А вы? – спросил Тристан, катая кончиком вилки горошину у себя на тарелке.

– Нет.

Тристан замер, наколотая на вилку горошина зависла в воздухе на полпути ко рту.

– Seriously?

Несмотря на мрачное настроение, Кейт рассмеялась над его изумлением.

– Я не хочу, чтобы люди знали о моей жизни, особенно прошлой. Сможешь помочь мне найти их?

– Не вопрос, – сказал он, отправляя в рот последний кусочек картошки.

– Еще я хочу поговорить с той подругой из Мельбурна. Шейла дала мне ее электронный адрес.

Тристан вытер руки, взял у Кейт фотографию и пристально в нее взгляделся.

– Она не выглядит счастливой, да?

– Я тоже так подумала. Но она ведь была в школе. Может быть, она просто злилась, что им приходится торчать на холоде без пальто?

Тристан вернул ей фотографию.

– Как вы думаете, может она быть еще жива?

– Возможно. Я в свое время сталкивалась со многими непонятными делами, когда пропавшие люди объявлялись через много лет, но Малкольм и Шейла сказали, что у них не было никаких сложностей с Кейт лин. Я допускаю, что она могла убежать, а потом с ней что-то случилось.

– Или ее убил Питер Конуэй.

– Такое тоже возможно. Он жил неподалеку. Возможно, это он и был тогда в машине, но высоких, симпатичных брюнетов много, тут не за что особо зацепиться. Это не его почерк. Он не встречался со своими жертвами. Он похищал их в середине недели, чтобы у него были целые выходные на то, чтобы мучать их и потом убить, но, опять же, серийные убийцы вырабатывают свой стиль с течением времени, – Кейт отложила фотографию и потерла уставшие глаза. – Тут целая куча вопросов и зацепок, которыми мы можем заняться.

У нее зазвонил мобильный, и она, пошарив в куртке, которая висела на спинке ее стула, достала его. Это был Алан Хэксам.

– Привет, Кейт! Есть минутка? – спросил он.

– Конечно.

– В полиции определили, что та девушка на вскрытии – местная школьница, шестнадцатилетняя Кейша Смит. Семью уже оповестили, и информацию передали в прессу. Еще я искал дела, открытые за последние полгода, где фигурировал труп девушки на свалке. Ты была права. В среду двадцать восьмого июля было найдено тело Эммы Ньюман, его обнаружили на автомобильной свалке «Девять Вязов», недалеко от Тивертонна. Ей было семнадцать. Она только что вышла из детского дома, где провела большую часть жизни. Никто не заявил о ее пропаже. Кейт, она тоже была искусана, как и Кейша.

– Первую девушку нашли на свалке, которая называется «Девять Вязов»? – спросила Кейт, внезапно похолодев.

– Да. Жутковато, я знаю.

– Ты уверен?

– Да, я заглядывал в дело.

– Как далеко эта свалка от второго места преступления?

– Она находится сразу за Тивертонном, милях в двадцати.

Кейт подняла глаза и увидела, что Тристан подошел к телевизору, висящему на стене, над столиками напротив. В дневном выпуске новостей показывали снятые с воздуха кадры: река и прилегающий пейзаж – второе место преступления. Внизу был заголовок: «ОБНАРУЖЕНО ТЕЛО ПРОПАВШЕЙ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДЕВУШКИ».

– Алан, это прямо сейчас передают в новостях. Я перезвоню. – Кейт положила трубку и подошла к Тристану. – Это та девушка, со вскрытия, – сказала она.

– Они, наверное, использовали дрон, – сказал Тристан, так как все кадры были сняты с большой высоты, камера кружила над пустынным местом преступления: скалистым, поросшим утесником пейзажем, где рядом с грязной перекатывающейся рекой стояла белая палатка криминалистов. Дрон запечатлел также и момент, когда два дня назад почерневшее тело переносили из палатки в фургон судмедэкспертов. Затем на экране появилась корреспондент, стоящая на возвышенности рядом с каменной стеной. Ее волосы разлетались от сильного ветра.

– Выяснилось, что жертвой стала шестнадцатилетняя Кейша Смит из Кредитона. Она училась в Хэтфорде, местной частной школе.

На экране появилась фотография юной девушки, одетой в школьную форму и улыбающейся в камеру. У нее были светлые, завитые волосы и прямая челка, а поверх рубашки с галстуком надет коричневый блейзер. Кейт вздрогнула. Яркая молодая девушка не имела ничего общего с распухшим, покрытым синяками и ссадинами телом в морге.

– Кейша была объявлена пропавшей двенадцать дней назад, после того как она не вернулась домой из школы. Местная полиция разыскивает свидетелей.

Начался следующий репортаж. В кафе стала прибывать обеденная волна посетителей. Кейт и Тристан вернулись за свой столик, где Кейт пересказала свой разговор с Аланом.

– Свалка «Девять Вязов»? – спросил Тристан. – Жутковатое совпадение.

Кейт кивнула. Совпадение было не просто жутковатое, оно приводило ее в ужас. Две девушки убиты в абсолютно такой же манере. Она посмотрела в свою тарелку с недоеденной рыбой, где кусочки желтого кляра плавали в жире, и подумала про желтоватую, разлагающуюся кожу Кейши. Кейт переставила тарелку на соседний столик. Тристан вытащил свой телефон, потыкал в экран и повернул его к Кейт.

– Что? – спросила она.

– Свалка «Девять Вязов» недалеко от шестого съезда с М5. По дороге домой мы как раз будем проезжать мимо.

12

Когда Питер вернулся в камеру, он включил радио и разложил на кровати в ряд три упаковки ирисок. Он искал пачку, которая была чуть короче остальных.

У Энид дома был аппарат для термоупаковки, но для того чтобы открыть и запечатать обратно пакетик конфет, приходилось отрезать узенькую полоску по краю. Он нашел укороченный пакет, открыл его и высыпал завернутые в фантики ириски на одеяло. Всего тридцать две штуки. Он начал открывать все подряд, проверять и заворачивать обратно. Открыв шестую, он увидел на конфете едва заметную белую полоску, которую искал. У ирисок Кэдбери была твердая карамельная оболочка и мягкий шоколадный центр. Он ногтем надавил на белую полоску и ириска раскололась надвое. Шоколада в центре не было, вместо него внутри лежала прозрачная капсула. Он вытащил капсулу и закинул обе половинки карамели в рот. Осторожно вытерев капсулу салфеткой, он увидел внутри туго свернутую бумажку. Он подошел к двери и прислушался. По коридору грохотала почтовая тележка. Она замедлилась и проехала мимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.